

Основы экспериментальной психологии: принципиальные основы и психология ощущений

Т. 1. (Главы из книги)

Задачи психологии

1. <...> Психические переживания во всем их многообразии непосредственно даны нам в опыте. Это обстоятельство предоставляет особенно благоприятные условия для их изучения, позволяя непосредственно наблюдать за ними. Необыкновенная сложность человеческих переживаний ни для кого не является секретом. Ничто не характеризуется такой общностью и неразделимостью, как психическая жизнь. Здесь каждый феномен существует лишь постольку, поскольку он переживается целостностью, и любое изменение этого целого накладывает своеобразный отпечаток на его составные моменты, точно так же, как и наоборот: каждое изменение этих последних воздействует на целое. Психология, как и любая другая наука, имеет одну высшую цель: выявление закономерностей, которым подчиняется многообразная конкретная действительность ее предмета. Эта цель *заведомо* подразумевается любой наукой: совершенно невозможно, чтобы какая-либо сфера действительности стала предметом специальных научных исследований до тех пор, пока она представлена в виде неупорядоченного хаоса. Каждая наука подразумевает, что ее предмет уже завершен и, следовательно, определен, то есть является носителем определенного смысла, *логоса* <...> Не будь это так, был бы невозможен сам факт существования любой позитивной науки, и все познание ограничивалось рамками философии.

2. Психология также занята поиском такого логоса психических переживаний. Заведомо подразумевается, что в виду своеобразия ее предмета *описание* должно иметь совершенно особое значение.

Первая основная задача, стоящая перед описанием, состоит в установлении того, в каком виде проявляются душевные феномены: существует ли некая определенная форма, *структура* выявления того или иного сложного феномена, или такие определенные структуры не существуют? А если существуют, какие они? Совершенно очевидно, что для изучения самих этих сложных структур необходимо разложить их на составные единицы, каждая из которых может иметь собственную структуру. Следовательно, *анализ* — тот необходимый путь, который описательному методу не миновать при изучении психических феноменов.

Однако анализ необходим не только для поиска сложных структур и выявления сложного строения. Вопрос построения того или иного душевного содержания останется полностью нерешенным, если исследование не займется поиском тех основных элементов, из которых в конечном счете строится любой душевный феномен. Какова природа этих элементов или их количество? Разумеется, все эти вопросы невозможно решить без анализа. Само собой подразумевается, что эти конечные элементы отдельно никогда не встречаются в содержании конкретного сознания. Следовательно, описание имеет дело с результатами искусственной операции, анализа, а не с живыми феноменами, то есть изучает не особенности живой душевной жизни, а продукцию отвлеченного мышления. Однако понять живую действительность в общем невозможно до тех пор, пока надлежащим образом не будут изучены ее искусственно выделенные основные элементы. Это со всей очевидностью явствует из опыта естествознания: «Даже анатомия и физиология растений и животных вынуждены использовать метод анализа. Но по причине того, что этим путем изучаются отдельно мышцы, нервы и ткани, никто не станет предполагать, конечно, будто эти элементы и реально существуют отдельно»¹.

Изучение любого явления — и в этом отношении психические явления не составляют исключения — обязательно происходит с какой-либо точки зрения, с какой-либо целью; поэтому очевидно, что и описание психического должно производиться с определенной точки зрения. Иначе и невозможно, поскольку любой феномен, сколь простым бы он ни был, составляет тысячи и десятки тысяч соотношений и комплексов, и, следовательно, может быть рассмотрен в тысячах и десятках тысяч различных аспектов. Но ограниченные возможности человеческого разума не в состоянии одновременно постичь сложность и глубину всего этого, а потому ему приходится предпринимать отдельные осторожные шаги. Очевидно, что при описании приходится выбирать отдельные стороны и моменты, а остальные хотя бы временно полностью игнорировать.

Наряду с этим описание каждого отдельного индивидуально определенного конкретного переживания в том его виде, в каком оно представлено непосредственно в опыте, не в состоянии предоставить психологической науке надлежащие и достаточные основы и материал. Дело в том, что психологию как науку о психических переживаниях интересует не просто перечень этих психических переживаний, а закономерности их протекания. Следовательно, для психологии гораздо целесообразнее наблюдение и описание общих свойств групп схожих феноменов, нежели индивидуальных явлений во всей их индивидуально предопределенной данности. Стало быть, психология как описательная наука не сможет обойти стороной *абстрагирование* некоторых аспектов, моментов и индивидуальных обстоятельств психических феноменов.

¹ Rickert H. Die Grenzen der Naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine Logische Einleitung in die Historischen Wissenschaften, 1902. S. 226.

Заведомо подразумевается, что описательная психология наряду с анализом должна обращаться и к синтезу: иного пути, кроме как возведение целостной структуры из выделенных элементов, просто не существует; иначе невозможно проверить результаты самого анализа.

Очевидно, что в процессе описания явлений и их протекания психологии долженствует обратить особое внимание на один вопрос: коль скоро в необозримом многообразии душевных переживаний и их изменений заведомо подразумевается определенная закономерность, то протекание каких явлений и изменений подчиняется одному и тому же порядку и в какой последовательности? Без выявления и подробного описания этой упорядоченной последовательности изучение психических закономерностей оказалось бы совершенно бесплодным.

Однако описательной психологии следует всегда помнить об одном: при описании психических явлений следует обращать внимание и вносить в отчеты своих результатов лишь действительно и непосредственно пережитое. Разумеется, у каждого человека имеется собственное мнение о том или ином душевном переживании, и очень часто ему бывает трудно не счесть это свое мнение непосредственно данным в самом психическом переживании и, таким образом, размежевать сам факт от мнения об этом факте. Описательной психологии долженствует всегда проявлять осторожность, чтобы в описание не вкрался гетерогенный момент. Наряду с этим очень часто встречаются случаи, когда человек при описании особенностей своих переживаний невольно отмечает нечто такое, что по существу касается не самого феномена, а его условий. Таким образом, и в этом случае существует опасность смешения точек зрения, что значительно препятствует получению понятий чистого описания.

Поскольку описание является одной из необходимых задач психологического исследования, то направленную на это психологию можно назвать *описательной (дескриптивной) психологией*, или *феноменологией*. Соответственно феноменологическая, или дескриптивная, точка зрения означает непосредственное изучение психических переживаний, а ее цель состоит в разработке так называемых чисто описательных или, как говорит Коффка, *дескриптивных понятий*, то есть понятий, содержащих только «такие свойства, которые можно найти лишь в породившем их переживании» и, следовательно, «вытекающие из простого восприятия и описания переживаний» и «используемые для их подтверждения»².

Совершенно естественно встает вопрос о характере понятий описательной психологии: какова природа понятий дескрипции? Имеют ли они такую же логическую конструкцию, как используемые в естествознании понятия? С этим связан один вопрос, до сих вызывающий ожесточенные споры среди психологов, в частности вопрос соотношения путей исследования психологии и естествознания. Поскольку данная проблема имеет обобщенную природу

² Koffka K. Zur Analyse der Vorstellungen und ihrer Gesetze. 1922.

и, следовательно, касается не только природы понятий дескриптивной психологии, но и психологии в целом, предпочтительнее в первую очередь рассмотреть вторую важнейшую задачу психологии и природу полученных на ее основании понятий.

Еще Зигварт отмечал, что перед психологией, помимо описания, стоит и вторая основная задача, в частности — *объяснения* феноменологически подтвержденных переживаний. Соответственно наряду с дескриптивной психологией должна существовать и *объяснительная*, или *экспликативная*, психология. Во избежание возможных недоразумений сразу же следует отметить, что, говоря о дескриптивной и экспликативной психологии, мы подразумеваем не две самостоятельные научные дисциплины, а всего лишь две задачи одной и той же науки. Под влиянием Дильтея противопоставление дескриптивной и экспликативной психологии в современной психологической литературе стало обычным явлением. Но для Дильтея это действительно были две принципиально различные науки, поэтому для него такое противопоставление имело под собой объективную основу. Современное мышление полное размежевание задач описания и объяснения, как это попытался сделать Дильтей, считает совершенно неосуществимым. Поэтому был прав Мюнстенберг, утверждая, что «любое описание — удел конструктивной психологии, и его размежевание от объяснения трудновыполнимое дело»³. Итак, для нас дескриптивная и экспликативная психологии не означают ничего, кроме подтверждения дескриптивной и экспликативной точек зрения в психологии.

Однако *объяснение* можно понимать по-разному:

А. Мы имеем дело с объяснением, подчиняя один какой-либо частный случай некоему общему правилу. Как справедливо замечает Мессер, такое объяснение не может стать целью теоретической психологии, которую интересуют общие закономерности. Он полагает, что это, скорее, входит в интересы прикладной психологии.

Б. Когда нам удастся свести некое еще неизвестное нам явление к какому-либо другому, известному явлению, мы считаем его достаточно объясненным. Когда впервые было заявлено, что пищеварение — один из процессов горения, этим было представлено удовлетворительное объяснение данного явления (Мессер). Разумеется, аналогичные случаи часто встречаются и среди психических феноменов. Например, еще не до конца объяснено, чем является по существу то, что обычно именуется *чувством*. Когда психолог Джеймс впервые заявил, что чувство представляет собой комплекс органических ощущений, он попытался объяснить это неизвестное явление лишь тем, что объявил его комплексом известных элементов (ощущений). Как уже отмечалось, психологии приходится расчленять сложные психические феномены на такие конечные элементы, тот или иной комплекс которых составляет содержание каждого отдельного феномена.

³ Münsterberg H. Grundzüge der Psychologie, B. I. 1900. S. 30.

Дильтей основным признаком описательной психологии считает именно это обстоятельство: «Она [описательная психология] выводит все факты внутреннего опыта из определенного количества неких элементов...»; «Определенное количество неких элементов, из которого должны быть построены все явления душевной жизни, — вот капитал, на базе которого производит свои операции описательная психология»; «Она [объяснительная психология] выводит все находимые во внутреннем опыте <...> факты из однозначно определенных элементов...»; «Ограниченное количество однозначно определенных элементов, из которого должны быть конструируемы все явления душевной жизни — таков, следовательно, капитал, которым оперирует объяснительная психология»⁴. Однако выделением элементов посредством анализа и изучением влияния или роли каждого из них в целостном психическом феномене — всем этим, как отмечалось и выше, может заниматься и *описательная* точка зрения. Более того, постичь все это иным путем, кроме описания, совершенно невозможно. Как, например, можно проверить, действительно ли чувство является только лишь комплексом ощущений, не обращаясь к изучению непосредственной данности этого психического феномена, то есть его описанию? Разве можно полагать, что то или иное переживание, возможно, представляет собой комплекс таких элементов, которые в процессе самого переживания никогда не проявляются?!

В. Думается, что объяснение психических феноменов следует искать не в анализе их состава, а в выявлении условий, в которых они обычно происходят. В естествознании выявление причин имеет имманентное объяснительное значение. Так должно быть и в психологии.

Однако понятие причинности, являющееся достоянием естественно-научного мышления, основывается на *механистическом* принципе. Согласно данному принципу, между причиной и следствием должно быть признано полное количественное и качественное тождество; соответственно, совершенно невозможно, чтобы в следствии оказалось нечто такое качественное или количественное, что не подразумевалось в причине. Переносу точки зрения механистической причинности в протекание душевной жизни противоречит многое, прежде всего — основные особенности, признанные характерными для психической жизни. В чем состоят эти особенности, может стать ясным только после учета всей полноты психической жизни. Здесь ограничимся лишь общей, схематичной характеристикой этих особенностей.

1. После Джеймса, Бергсона и Вундта можно считать бесспорным, что психической жизни совершенно чуждо такое механическое отношение между явлениями, при котором эффект и количественно, и качественно, по сути, — повторение причины. Джеймс решительно боролся со взглядом, согласно которому сложное психическое явление якобы сводится к сумме составляющих его явлений и строит самое себя путем увязывания и суммирования этих

составных элементов. Напротив, каждое сложное представление для Джеймса является совершенно *новым* психическим фактом, в котором простые элементы исполняют отнюдь не роль его *составных частей*, а являются *условием* возникновения этого факта. Для того чтобы это условие выполнило свое предназначение, необходимо, чтобы к данным элементам добавилось еще третий элемент, под воздействием которого зарождается совершенно новый психический факт. Для Бергсона, в свою очередь, *свобода* и *творчество* составляют обязательные основные принципы душевной жизни. И, наконец, Вундт характеризует свободу и творчество душевной жизни следующим образом: «Принцип психической результатности находит свое выражение в том факте, что каждое психическое соединение (*Cebilde*) является носителем таких свойств, которые, хотя и могут быть поняты на основании свойств его элементов, все-таки совершенно невозможно считать простой суммой свойств этих элементов <...> в последствиях, таким образом, проявляется принцип, который в соответствии с порожденными результатами можно назвать принципом *творческого синтеза*»⁵.

2. Второе свойство, не менее характерное для психического, состоит в абсолютной невозможности его *полного тождественного повторения*. Соответственно душевный феномен происходит лишь однажды, во второй раз это уже новый душевный феномен. Данное обстоятельство особенно подчеркивает Бергсон, но и учение Джеймса основывается на этом же взгляде. Мюнстенберг именно в этом и усматривает главное различие между психическим и физическим: «В данном объекте мы *психическим* называем лишь то, что переживается только одним субъектом, а физическим — то, что может быть пережито несколькими субъектами»⁶. Это, разумеется, означает, что физическое в неизменном виде может *повториться* в опыте различных субъектов, а *психическое* происходит только единственный раз и только в жизни одного субъекта.

3. С этим связана и третья особенность психического: психическое невозможно счесть *количеством* в том же смысле, что физическое. Ниже мы рассмотрим этот вопрос подробнее, здесь же достаточно отметить, что попытка обнаружения в психическом какой-либо устойчивой единицы измерения завершилась полной неудачей, и сейчас уже никто ее не повторяет.

4. После исследований Бергсона, Натопфа и, особенно, Гуссерля постепенно выяснилась новая особенность психических феноменов: психическое невозможно представить *объективно*. Бергсон полагает, что попытки *объективизировать* ощущения, представления и другие психические феномены следует квалифицировать, как сворачивание с пути их адекватного постижения и, стало быть, полное искажение истинной природы этих феноменов. Согласно Гуссерлю, настоящее постижение сущности психического возможно лишь в том случае, если оно не будет рассматриваться в связи с объектами природы

⁴ Дильтей В. Описательная психология. 1924. С. 26.

⁵ Münsterberg H. Grundzüge der Psychologie. B. I. 1900.

⁶ Wundt W. Grundriss der Psychologie. 1904. S. 391–392.

и, следовательно, как один из видов конкретного явления природы. Гуссерль полагает, что данное обстоятельство с необходимостью требует реформы всей философии и психологии: с этой целью он создает новую отрасль знания основополагающего значения — так называемую чистую феноменологию.

5. Принцип механистической каузальности совершенно невозможно применить в сфере феноменов с вышеотмеченными особенностями: принцип творчества и свободы душевных феноменов, конечно же, радикально противоречит механистической каузальности, которая, как известно, полностью отвергает возможность роста и творчества. Отсюда понятна и непримиримая борьба Бергсона против принципа каузальности в психологии. Решительно отрицает возможность объяснения душевных явлений этим путем и Зигварт: «Если то, что следует считать следствием, содержит *больше*, чем его причина, то есть если к этому следствию добавляется нечто *новое*, не содержащееся в исходном, то откуда возникает это большее, это новое? Коль скоро это так, тогда исходное само по себе, как явление, не в состоянии объяснить сопутствующее; это последнее только тогда будет считаться объясненным, если иметь в виду субъекта, в природе которого будет признано наличие способности создания нового свойства»⁷. Каузальная взаимосвязь явлений существует только в сфере физической действительности, поскольку «принцип сохранения энергии и эквивалентность следующих друг за другом движений позволяет представить только физическое явление в виде одномерно протекающего потока, в котором в каждый последующий момент проявляется, пусть в другой форме, способность такого же действия, что и в предыдущем; здесь не происходит ничего такого нового, что не было предварительно заложено в условиях». Совершенно очевидно, что если душевной действительности и вправду присуще творческое начало, то механистическая каузальность в этой сфере исключается.

То же самое нужно сказать и об остальных особенностях: *неповторимость* психических феноменов, то есть невозможность их *отождествления*, лишает всякой почвы любые попытки приложения к этой сфере механистической каузальности. И действительно, коль скоро данный принцип основывается на идее качественной и количественной тождественности причины и следствия, а в душевной сфере говорить о такой тождественности невозможно, то очевидно, что здесь механистическая каузальность неприменима.

Принцип механистической каузальности требует такого же количественного соответствия между причиной и следствием, как в объективной действительности, в «природе», на объяснение последовательности явлений в которой он претендует. Очевидно, что в психической сфере, где нет ни настоящего количества, ни настоящих объектов, поприще для механистической каузальности отсутствует.

Таким образом, со всей очевидностью выясняется, что объяснение душевных феноменов по принципу каузальности если не невозможно, то, во

⁷ Sigwart C. Logik. 1904. S. 214 и далее.

всяком случае, весьма спорно. Думается, что отмеченные нами особенности психических феноменов в современной психологии считаются достаточно обоснованными, а потому беспочвенность принципа механистической каузальности в сфере душевной действительности представляется нам совершенно бесспорным положением.

6. Однако это отнюдь не означает, что в психической действительности отсутствуют закономерности. Мюнстенберг, который, как и мы, является сторонником мнения о беспочвенности физической каузальности в психической действительности, <...> тем не менее считает возможным найти в психической сфере место для принципа своеобразных закономерностей. Он полагает, что хотя подтвердить здесь *прямые* закономерные связи не представляется возможным, зато ничего не мешает установлению *непрямых* связей. Так, взаимное увязывание психических явлений возможно благодаря тому, что «мы устанавливаем логические соотношения между ними и каузально взаимосвязанными физическими процессами»⁸.

В современной психологии подобное объяснение психических явлений, то есть поиск их физических, в частности, физиологических коррелятов, получило самое широкое распространение. Само собой подразумевается, что данное обстоятельство объясняется теми трудностями, которые препятствуют установлению чисто психических закономерностей в самой психической сфере. Однако это оставляет впечатление не преодоления трудностей, а попытки обойти их. Поэтому, по мнению некоторых психологов, следует считать непродуктивными и по существу неприемлемыми все попытки объяснения психического путем выявления его физиологических коррелятов. Липс, например, считает подобное совершенно неприемлемым, полагая, что это означает отказ психологии от собственного пути. Бинсвангер выступает против «искусственного альянса» психического с физическим, считая его даже излишним, поскольку психическое «увязано» с физическим и вне этого альянса, то есть оно имеет свои собственные закономерности.

Но даже независимо от того, имеет или не имеет психическое свои собственные закономерности, все равно приходится изучать его в связи с физическим, в частности, физиологическим. Несомненно, что психические переживания имеют физические и физиологические условия своего возникновения и протекания. Разумеется, описательной психологии надлежит в первую очередь исследовать психические условия этих переживаний, однако для полноты картины нужно изучить и их физические условия. Очевидно, что там, где подобные условия непременно подразумеваются, их выяснение будет способствовать пониманию психического явления хотя бы в той мере, в которой это можно в общем сказать касательно изучения любого рода условий.

Изучение физиологических условий имеет совершенно особое объяснительное значение в случае таких психических феноменов, как, например,

⁸ Münsterberg H. Grundzüge der Psychologie. B. I. 1900. S. 89.

ощущения, которые в силу *периферийности* своей природы особенно тесно связаны с внешними условиями. Здесь объяснительная психология никак не может обойтись без разработки физиологических теорий. То же самое следует сказать и о тех случаях, когда чисто психологический поиск в самой психической сфере не находит ничего такого, что сделало бы более или менее понятным исследуемый психический процесс или феномен. В таких случаях внимательное изучение физиологических условий феномена — единственный путь осветить данный феномен. Поэтому, разумеется, сворачивание с этого пути или полное пренебрежение им может стать недопустимой ошибкой для психологии.

7. Однако задачи экспликативной психологии только этим, конечно, не исчерпываются: ей надлежит вести поиск объяснения психических феноменов прежде всего в душевной сфере. Но вопрос как раз в том, насколько успешным может оказаться подобный поиск?

Как уже отмечалось, с одной стороны, любая наука, стало быть, и психология, с необходимостью подразумевает закономерность природы своего предмета, иначе само научное исследование этого предмета теряет всякий смысл. С другой стороны, психические феномены оказались носителями таких свойств, к которым совершенно неприменим принцип каузальной закономерности.

Следовательно, создается весьма парадоксальное положение: либо психология ставит себе целью изучение психической действительности, но тогда она не может быть экспликативной наукой, поскольку феномены с вышеотмеченными свойствами не подчиняются объяснению с каузальной точки зрения, либо же она является экспликативной наукой, но тогда она не изучает настоящую психическую жизнь и подразумевает необходимость вмешательства другой науки. <...>

8. Основная трудность, препятствующая решению проблем объяснительной психологии, — это факт творческой природы психической жизни. Именно поэтому для предотвращения этой трудности оказывается необходимой попытка конструирования двойкой психологии — первая изучает истинную психическую действительность со всеми ее выявленными особенностями, а вторая в целях объяснения вместо живой действительности исследует ее видоизмененную форму, размещая протекающие в пределах этой живой действительности процессы в рамки искусственной каузальной закономерности. Однако удовлетворительное разрешение проблемы этим путем оказывается невозможным. Главное, что следует сказать о такого рода попытках, это то, что психические процессы в основном отличаются от физических, и именно в силу этого характерный для вышеотмеченных попыток подход является заведомо неприемлемым. Когда речь идет о физической действительности, то здесь, разумеется, мы имеем дело не с ее настоящим лицом, а проявлениями, видоизмененными в соответствии именно с умственными категориями: здесь эмпирическая действительность и предмет исследования науки отнюдь не представляют собой две различные сферы, из которых одна является носителем совершенно особых свойств, а вторая — искусственно преобразованным видом первой; преобразованной в том смысле и с той целью, чтобы можно было по-

считать ее умственными категориями. Нет! Эмпирическая действительность как таковая уже заведомо должна быть сочтена «искусственной», преобразованной действительностью, поскольку она преломляется сквозь категориальные формы нашего созерцания и мышления. Таким образом, естественнонаучная точка зрения для изучения эмпирической действительности и есть именно та точка зрения, которая должна быть сочтена единственно надлежащей для постижения всех ее особенностей.

Совершенно иная действительность психическая сфера: здесь у нас нет никаких аргументов для того, чтобы говорить об эмпирическом и неэмпирическом. Единственная действительность — та, которая дана непосредственно в переживании, и подразумевать какой-либо другой вид этой действительности невозможно: она имманентна по своей сути и как таковая, разве может быть видоизмененной только вследствие преломления сквозь призму умственных форм! Предметом науки она может стать только в этом ее единственном виде, в частности, как данная в виде непосредственного переживания. И когда встает вопрос о закономерностях этой действительности, вовсе не представляется необходимым полагать, что ее нужно искусственно преобразовывать до тех пор, пока она не примет вид, доступный и удобный для установления неких закономерностей. Этому существенному различию между физическим и психическим не уделяют надлежащего внимания ни Мюнстенберг, ни другие исследователи, усматривающие задачи эмпирической психологии в научном исследовании искусственно преобразованной действительности. В противном случае было бы совершенно непонятно, почему они поместили психологию в тот же ряд, что и естествознание!

Нет! Мы полагаем, что перед психологией стоит не только задача описания настоящей психической действительности (а не искусственно видоизмененной), но и ее объяснения. Следовательно, определенные, своеобразные закономерности, которые надлежит открыть психологии, должны быть внесены ею же в эту действительность, а установлены в самой этой действительности. Именно в этом состоит задача психологии — преломленная сквозь психологическое мышление действительность должна быть такой же настоящей, как эмпирическая действительность в естественнонаучном мышлении. Но тогда что можно сказать о принципе творческой природы психического? Совершенно можно сказать о принципе творческой природы психического? Совершенно очевидно, что этот принцип является непреодолимым препятствием не только для приложения механистической каузальности, но и затрудняет признание любого рода закономерности. Это непреложная истина. Однако дело в том, что здесь не уделяется должного внимания одному обстоятельству: в частности, вопросу о том, где проявляется это творческое начало! Дано ли оно непосредственно в переживании? Является ли понятием дескрипции? Совершенно очевидно, что ответ отрицательный: в непосредственном протекании сознания мы его не замечаем. Здесь даны лишь определенные продукты, определенные переживания, все свойства которых невозможно вывести из элементов, предположительно входящих в их состав. Поэтому в таких случаях мы вынуждены

прибегать к умозрительным выводам касательно творческой природы психической действительности. Таким образом, творческое начало психического не есть дескриптивная или феноменологическая его особенность, это скорее объяснительное понятие.

Поскольку психическое является несомненно сознательным, а творческое начало психического непосредственно в сознании не выявляется, естественно возникает вопрос: не следует ли полагать, что принцип творчества, несмотря на его проявления в психическом материале, существует за пределами самого психического? Разумеется, согласно тому, что сегодня известно о психическом, мы вынуждены полагать, что данный принцип следует искать либо в сфере физиологии, либо так называемого бессознательного. Однако физиологическое — это арена действия механистической каузальности, стало быть, говорить о творчестве здесь никак нельзя. Остается «бессознательное», однако его, на наш взгляд, невозможно считать психическим. Следовательно, несоответствующим является и его наименование. Мы вместо него вносим в психологию понятие «подпсихического», размещая основания творчества здесь, в этой подпсихической сфере. Соответственно наша проблема должна быть решена следующим образом.

Психическая сфера действительности представляет собой совокупность сознательных переживаний: как таковая она разворачивается в виде взаимосвязи сознательных или узнаваемых предметов и явлений. Это означает, что каждый психический феномен, представление, будь то эмоциональное переживание, сложный мыслительный процесс или любой иной акт, возникает под воздействием переживаемых нами явлений действительности или в связи с ними. Для нашего сознания совершенно необходимо, чтобы между его содержанием и явлениями объективной действительности существовала несомненная и обязательная связь. В этом отношении Brentano совершенно справедливо увязывал психическое с представлением, считая его интенциональным переживанием. Но если это так, то очевидно, что психическое увязано с закономерностями внешней действительности, подчиняясь, таким образом, этим закономерностям. Само собой подразумевается, что закономерности психического исходят из закономерностей внешней действительности. Но этого нельзя сказать о всей психической реальности. Ясно, что с большим правом и с большей уверенностью это можно распространить на психические переживания, особенно тесно связанные с внешними объектами. К таковым, прежде всего, следует отнести *периферийные* переживания: ощущения и простые чувства (*sinnliche Gefühle*). Они связаны и с физическими, и, особенно, физиологическими закономерностями, а потому их объяснение нужно искать именно здесь. Однако это отнюдь не означает, что периферийные переживания замкнуты в круге физико-физиологических закономерностей: ведь они являются переживаниями, хотя и периферийными, а потому испытывают воздействие и общих психических условий. Следовательно, экспликативной психологии надлежит проводить исследования и в этой сфере.

На основании периферийных переживаний построены слои переживаний центральной природы, и ясно, что чем выше расположен такой слой, тем меньше он зависит от воздействия физико-физиологических условий и тем очевиднее проявляется в нем психическая закономерность, обусловленная *подпсихическим*.

Таким образом, решение вопроса приобретает следующий вид: дескриптивная психология изучает протекание психических феноменов, непосредственно данных в переживании. Это протекание не носит хаотический характер; напротив, оно имеет совершенно определенную, сформированную природу. Но дескриптивная психология не находит ничего такого, что бы сделало это протекание понятным: в самом непосредственном переживании не видно, почему это оно является именно таким, а не каким-то иным. Почему психические феномены предстают в виде то одних, то других комплексов и связей? Для решения этого вопроса психология вынуждена преодолеть рамки непосредственно данного, то есть содержания сознания, и искать смысл переживаний она обращается, прежде всего, к сфере физиологии. А для объяснения более сложных, особенно — структурных явлений, ей надлежит вести поиск в сфере подпсихического.

Первое будет особенно полезно в тех случаях, когда в нашем сознании, как будто без всякой связи с его актуальным протеканием, вдруг появляется новое содержание. Например, в данный момент мое сознание занято четко определенным содержанием. Оно касается основной проблемы экспликативной психологии, не имеющей ничего общего, скажем, с ощущением боли. Но я внезапно чувствую головную боль. Совершенно невозможно вывести происхождение этого нового содержания моего сознания — ощущение боли — из этого его актуального состояния — оно ему совершенно чуждо, и головная боль в равной степени могла возникнуть или не возникнуть, будь мое сознание занято другим содержанием. Ощущения в нашем сознании всегда возникают свободно, независимо от актуального содержания сознания. Поэтому несомненно, что здесь следует выйти за рамки сознания, обратившись, в частности, к тем физико-физиологическим условиям, в которых сознание приобретает это новое содержание — новое ощущение.

Подпсихическая область действительности позволяет объяснить более значимые явления. Мои представления в определенном порядке увязываются друг с другом, создавая определенные связи; в моем сознании появляются то такие, то иные комплексы и структурные формы, совершенно не сводимые к свойствам их составляющих частей, а также многие другие аналогичные феномены, с дескриптивной точки зрения подтвержденные в непосредственном переживании. Но почему все это в одном случае происходит так, а в другом случае — иначе? Что лежит в основе предопределенности того или иного комплекса переживаний? Объяснить это через непосредственно данное в сознании содержание никак нельзя. Однако удовлетворительного объяснения

не дают и физиологические условия. В таких случаях остается единственная возможность — искать основания возможного объяснения в подпсихической области.

Соответственно экспликативная психология создает такие понятия, роль которых состоит в установлении объективных основ непосредственно переживаемого психического. По терминологии Коффки, эти понятия, в отличие от *дескриптивных*, можно назвать *функциональными*. Различие между этими понятиями — сущностное: если первые учитывают только состояние, доступное непосредственному переживанию, а потому понятное только субъекту, который испытывает это переживание, то функциональные понятия затрагивают действительность вне пределов непосредственного переживания.

Это различие между природой основных понятий психологии позволяет легко решить вопрос о научной сущности психологии. Со всей очевидностью видно, что психология содержит двоякие понятия: существенно отличающиеся от естественнонаучных и, следовательно, специфически психологические (*дескриптивные понятия*), и понятия, близкие к естественнонаучным (*функциональные понятия*).

Сущность сознания

1. Психические феномены, или переживания, известны и как факты или содержание сознания. На первый взгляд может показаться, что сознание — широкое понятие, либо включающее в свое содержание различные психические феномены, либо же являющееся своего рода хранилищем, в которое можно поместить то одно, то другое содержание. Для обыденного мышления так оно и есть, о чем свидетельствует и наша обычная речь. Ведь мы довольно часто говорим: «Наше сознание сегодня обогатилось еще одним наблюдением», «сознание Шекспира гораздо сложнее и богаче, чем обычного смертного»... Насколько правомерно подобное использование этого слова, сейчас для нас неважно; в любом случае очевидно, что здесь сознание осмысливается отдельно от психических феноменов, а их взаимоотношение — как зависимость между неким индифферентным хранилищем и случайно помещаемыми в него содержаниями.

Однако это — не единственное значение, вкладываемое в обычную речь в понятие «сознание». Несомненно, что, согласно нашему повседневному убеждению, между сознанием и его содержанием существует своего рода специфическая зависимость: там, где такой зависимости нет, нельзя говорить и о том, что то или иное переживание стало содержанием сознания. Какова природа этой специфической зависимости? Вместе со словом «сознание» часто употребляется и слово «осмысление». Мы говорим, например: «невозможно заставить его осознать нечто», «невозможно заставить его осмыслить нечто». Тем самым мы, разумеется, хотим сказать, что для того, чтобы нечто стало содержанием

сознания, то есть, так сказать, вошло в него, нужно его как-то переработать: необходимо *понять* его. В данном случае слово «осознание» употребляется в значении понимания. Соответственно содержанием *сознания* может стать лишь то, что удастся понять.

Но мы часто говорим и о сознательности человека, что, однако, отнюдь не означает, что тот или иной субъект является носителем неких психических переживаний. Нет, переживания могут иметься и у *несознательного* человека, и они у него фактически есть. В данном случае мы хотим отметить лишь то, что некому субъекту свойственны обдуманые и заранее просчитанные поступки: он знает, что должен сказать или как вести себя в определенных условиях.

С этим тесно увязано еще одно значение сознания: я сознательно бездельничаю, то есть в силу каких-то причин считаю необходимым отдохнуть, поэтому могу взять на себя ответственность за свое безделье.

Совершенно очевидно, что в обыденном мышлении слово «сознание» имеет много различных значений, гораздо больше, чем в наших примерах.

2. Однако многозначность понятия «сознание» характерна не только для обыденной речи; от многозначности оно не свободно и в научной литературе, в частности, в психологической. Гуссерль выделяет три *основных* значения, в которых обычно используется понятие «сознание». Нам придется специально остановиться на каждом из них.

А. Каждое переживание в том его виде, каким ему надлежит быть, может считаться фактом сознания лишь в том случае, если оно входит в совокупность остальных переживаний. Так происходит с любым переживанием; в противном случае его невозможно счесть чьим-нибудь переживанием. Когда я чувствую удовольствие, это значит, что это чувство — мое, то есть оно включено в совокупность моих остальных переживаний и представляется мне ее своеобразной частью или моментом. Чувство не было бы чьим-нибудь чувством, не занимая места в круге живых переживаний некоего субъекта. Все душевные феномены, или переживания, человека неразрывно увязаны друг с другом, представляя собой, таким образом, *целое*, единство которого, невзирая на постоянную смену его составных частей, всегда остается непоколебимым. В современной психологии данную особенность явлений душевной жизни человека, эту их *целостность* и *единство*, чаще всего именуют сознанием. Первое понятие сознания у Гуссерля содержит именно этот момент единства переживаний.

Б. Но иногда *сознание* имеет и другое значение. Если в первом случае оно означает лишь факт целостности переживаний, то есть, соответственно, то или иное переживание считается сознательным только потому, что оно принадлежит этому целому, то во втором случае сознание означает только то, мы непосредственно осведомлены о наших переживаниях: как говорит Гуссерль, «мы узнаем о них внутренне» (*gewahrwerden*).

В. Чаще всего подразумевается третье значение сознания: в каждый момент у человека имеется множество переживаний, из которых каждое может стать предметом его наблюдения. Если наш внутренний взор направлен на

наши переживания, они становятся предметом нашего внутреннего восприятия. Сознание — совокупность внутренне воспринимаемых переживаний. По словам В. Вундта, сознание — лишь общее наименование душевных фактов, имеющих у каждого отдельного субъекта. Таково третье значение сознания, выделенное Гуссерлем.

Разумеется, что у Гуссерля есть своеобразная концепция каждого из выше-приведенных значений сознания. В данном контексте нам не нужно учитывать все это; важно отметить лишь то, что в современной психологии действительно чаще всего встречаются именно эти три значения нашего понятия.

3. Невзирая на многозначность использования понятия «сознание» как в обыденной речи, так и в научной литературе, оно все-таки содержит одну основную мысль, на которую в конечном счете опираются все его остальные значения. В первую очередь нам необходимо выявить это значение.

Называя психические феномены фактами сознания, мы подразумевали именно это основное значение. В данном аспекте сознание — основополагающая особенность, отличающая психическое от всего того, что не может считаться психическим. В чем именно состоит данная особенность?

Обратимся к такому обычному переживанию, как *боль*. Я испытываю боль. Что особенно характерно для данного переживания? Несомненно, что у меня имеется это переживание до тех пор, пока я его *замечаю*, пока *знаю*, что у меня что-то болит. Как только мое внимание отвлечет другое интенсивное впечатление, боль может быть совершенно забыта: раненый воин в разгаре боя не замечает свою рану до тех пор, пока, скажем, кровь или необычная физическая слабость не изменит направление его внимания. У нас нет никаких оснований полагать, что воин испытывал боль до тех пор, пока она не привлекла его внимание. Можно с уверенностью признать только одно: рана существовала и до того, как воин ее почувствовал; боль, которая не болит, не есть боль. Даже не касаясь физиологического момента — использования наркоза во время операции, сошлемся на психологические наблюдения: наркотические вещества расслабляют сознание человека, делают его нечувствительным. Человек, как говорят обычно, засыпает, что дает достаточные основания считать, что больной боли не чувствует. Это отнюдь не означает, что боль у него есть, но он ее просто не замечает; нет, у него действительно нет никакого переживания боли. Одним словом, для нас бесспорно, что *факт* боли и *осознание* боли — одно и то же явление, что одно перекрывает второе, что существование одного означает существование второго.

Все то, что было сказано касательно боли, в неизменном виде можно повторить и об удовольствии и неудовольствии. Разве можно говорить о чувстве удовольствия, если точно не знаешь, что это — именно удовольствие, а не нечто иное? Это, разумеется, не означает, что мы фактически испытываем чувство лишь после того, как сделаем его предметом специального внимания, сравнивая с другими чувствами и этим путем подтверждая отличие от них. Нет, в данном случае не подразумевается ничего подобного. Напротив, как толь-

ко удовольствие возникает, мы уже знаем, что наш душевный настрой *таков*. Поэтому совершенно справедливо говорят: удовольствие, не испытываемое как удовольствие, не может считаться удовольствием.

Примеры боли и удовольствия-неудовольствия со всей очевидностью свидетельствуют о том, что их существование и знание этого сопутствуют друг другу, что первое совершенно невозможно без второго.

4. Следует подчеркнуть, что здесь осознание боли имеет совершенно особое значение. Его природа сущностно отличается от акта, с которым мы обычно имеем дело в случае обычного познания и которое достигается с помощью мышления. Знание в данном случае не приобретается через процесс мышления, это — совершенно иное состояние.

Говоря о мышлении, в каждом отдельном случае мы непременно подразумеваем один момент: сколь бы простым ни был акт мышления, в нем всегда существует своего рода направленность — мы направлены на нечто. Заведомо подразумевается, что это нечто в этом акте направленности подразумевается отдельно. Не будь это так, не было бы и этого акта направленности, поскольку направленность с необходимостью требует своего предмета. Однако это отдельно существующее нечто впервые возникает отнюдь не тогда, когда мы обращаемся к нему; оно уже существовало, в противном случае мы не смогли бы обратиться к нему. Невозможно быть направленным на нечто безадресное, несуществующее.

Однако коль скоро этот предмет направленности — назовем его сейчас предметом обыденного мышления — подразумевается данным еще до факта мышления, то очевидно, что его следует считать носителем определенной природы, и именно это обстоятельство и обуславливает наше обращение к нему в процессе мышления: мы хотим постичь эту его природу, понять ее, то есть приобрести определенное знание. Очевидно, что это знание, поиск которого осуществляется через акты мышления, имеет совершенно иное значение, нежели то, которое заведомо дано нам в фактах переживания боли или удовольствия. Для того чтобы переживание боли или удовольствия стало объектом мышления — с целью изучения природы или структуры этих переживаний — необходимо, чтобы они уже существовали, но поскольку, как мы уже убедились, существование этих переживаний определяется в рамках знания о них, очевидно, что акт мышления изначально подразумевает наличие первичного знания, заведомо данного в переживании. Поэтому это первичное знание, в отличие от полученного путем мышления знания, следует назвать *непосредственным знанием*. Тогда непосредственное знание удовольствия означает то же самое, что переживание удовольствия.

5. Все то, что было сказано относительно удовольствия-неудовольствия и боли, можно повторить и применительно ко всем без исключения психическим феноменам. Любое переживание одновременно является и определенным знанием, и именно этим оно сущностно отличается от всего того, что не есть переживание.

Обратимся к отдельным примерам. Я вижу цвет, я слышу звук, то есть испытываю цветовые и звуковые ощущения. До тех пор, пока я считаю цвет и звук переживаниями, я знаю, что у меня есть эти переживания, то есть вместе с этими двумя переживаниями имеется и своего рода знание и об одном, и о втором: но это знание — совершенно непосредственное, данное в самом факте переживания, причем так, что переживание и знание совпадают друг с другом. Не будь цвета и звука, то есть не переживая цвет как цвет, а звук как звук, я никогда не смог бы говорить о них, точно так же, как не в состоянии говорить об ощущениях, которых у меня не было и не будет, если у меня не появится некий новый орган чувств. Появись у меня такой новый орган чувств, у меня возникло бы совершенно новое ощущение, и уже факт этого нового ощущения породил бы новое знание: я бы знал и об этом ощущении. После этого, разумеется, можно было бы уже и размышлять об этом ощущении, в некотором роде познав его. Все это со всей очевидностью доказывает, что каждому переживанию — в данном случае ощущению — непременно сопутствует своего рода непосредственное знание, причем неразрывно от самого факта переживания.

Можно ли сказать то же самое о непсихическом? Мы сейчас же убедимся, что это невозможно. Все существующее вне психики является непсихическим; например, колебание эфира, воздушные волны или некий внешний объект. Разумеется, что их существование и знание о них не перекрывают друг друга: мы подразумеваем, что они как-то существуют, но для того, чтобы узнать что-либо о них, считаем необходимым специально обратить, если можно так сказать, нашу психику к ним, наладить с ними связь, испытать их воздействие на себе. Мы можем сказать об этих объектах что-либо лишь после того, как в наших переживаниях возникнет связанный с ними некий новый момент. Одним словом, для того чтобы узнать что-либо о непсихическом, его нужно как-то пережить. Без этого переживания оно только существует, причем об этом существовании неведомо никому, кроме того, кто его уже как-то пережил. В этом смысле действительно можно повторить слова Беркли: *esse est percipi*. Таким образом, вне какого-либо воздействия на нас непсихического возможно лишь существование этого последнего, но это его существование не содержит ничего, кроме существования. Знание о нем появляется лишь в том случае, если он породит какие-либо переживания в нашей психике. Только благодаря тому факту, что переживание одновременно является и знанием, мы можем судить об объективном, говорить о возможности его познания. В данном случае не подразумевается возможность научного познания; это — другой вопрос, требующий иных логических основ; речь идет лишь о простом знании. В этом смысле пределы возможностей познания не выходят за рамки возможностей переживания.

6. Присуща ли данная особенность всем психическим переживаниям? Всегда ли психические переживания связаны с таким знанием? Поскольку мы считаем именно это свойство психического сознанием, именно в этом усмат-

ривая первое основное значение сознания, наш вопрос можно поставить и в такой форме: являются ли все психические феномены сознательными в этом смысле?

Здесь мы не будем затрагивать такие психические феномены, сознательность которых не отрицает никто и в более далеко идущем смысле, это было бы лишним. Рассмотрим только такие феномены, которые считаются скорее бессознательными, чем сознательными. Наилучший пример этого — переживания сновидения. Совершенно бесспорно, что увиденный во сне цвет или ситуация в целом является таким же реальным переживанием, как пережитое наяву. Общеизвестно, что мы запоминаем сновидения, вследствие пережитого во сне испытываем очевидные сильные приятные или неприятные чувства, причем иногда настолько очевидные, что в первом случае даже жаль просыпаться, а во втором, просыпаясь, радуемся, что это оказался сон, а не явь. А иногда нам даже трудно отличить увиденное во сне от пережитого наяву: разве редко встречаются случаи, когда не можешь решить, испытал ли ты это наяву или всего лишь во сне? Все это со всей очевидностью доказывает, что переживания сновидения также следует считать сознательными. Еще один аргумент в пользу этого — то обстоятельство, что в случае связанного с возникшими во сне переживаниями бреда человек отвечает на то или иное реальное впечатление в соответствии с содержанием своего сновидения. Задав какой-либо вопрос этому человеку, можно получить такой ответ, который убеждает, что вопрос он не только услышал, но и понял, ответив, однако, в соответствии с содержанием своего сновидения. Здесь я хочу привести случай, под впечатлением которого сейчас нахожусь. Прошлой ночью меня разбудил сильный шум: нечто выпрыгнуло из окна комнаты, пробежавшись, наверное, и по разложенной на веранде постели, в которой спал один из членов семьи. Я услышал крик спящего: «Куда ты несешь газету?!» — «Что случилось?» — позвал его я, на что спящий совершенно внятно ответил: «Украли газету». Разумеется, никто бы не стал красть старую газету, оставленную на веранде... Но в данном случае интересно не это, а то, что спящий услышал мой вопрос, понял его, но дал ответ, соответствующий содержанию его сновидения.

Этот факт еще раз доказывает, что переживания спящего уже в силу самого факта своего существования являются сознательными переживаниями, причем настолько сознательными, что могут увязываться с переживаниями бодрствующего человека. По сути то же самое можно сказать о любых других переживаниях, если только это реальные переживания.

7. Но что означает это непосредственное, первичное знание, сопутствующее всякому переживанию, или, иными словами, превращающее любой психический феномен в переживание? Какова его природа?

Переживания меняются, следуют друг за другом. Не меняется ли вместе с ними непосредственное знание о них, их осознаваемость? Нельзя ли предположить, что непосредственное, нерелекторное знание о переживании чувства — это одно, а об ощущении — другое, что каждому переживанию

сопутствует собственное непосредственное знание, имеющее иную природу, чем знание, соответствующее другому переживанию? Гайзер в связи с Аристотелем и Джеймсом совершенно справедливо отмечает: «Когда перед нами стоит вопрос о том, многообразно ли воспринимающее содержание сознания примитивное знание или, наоборот, единообразно, в пользу этого последнего соображения свидетельствует то обстоятельство, что мы можем рассмотреть каждое содержание и непосредственно сравнить со всеми остальными, признав его в том или ином смысле схожим или отличным от любого из них. Но эти акты установления сходства или различия возможны лишь в случае заведомого *единообразия* знания применительно к различным объектам, поскольку будь знание об одном объекте *отлично* от знания о другом, постижение их сходства или различия было бы так же невозможно, как невозможно тогда, когда, скажем, один объект осознан мною, а второй — другим лицом. Следовательно, многозначности и различности содержания сознания каждого человека надо противопоставить единство с точки зрения знания об этом содержании»⁹.

8. Но коль скоро это так, мы как будто вынуждены признать различие между нашими переживаниями и их непосредственным, нерелекторным знанием и, стало быть, раздельность их существования. Само собой подразумевается, что говорить о подобном раздельном существовании фактически совершенно невозможно. Нельзя сказать, что знание существует отдельно, как отдельный независимый акт, а переживание — отдельно, что знание направляется к переживанию, лишь после этого становясь знанием о нем. Нет, такое, так сказать, пустое знание не существует, знание не предшествует переживанию. Напротив, оно дано вместе с переживанием, его данность означает данность переживания, однако оно не есть такой же простой момент переживания, как, например, модальность или интенсивность. Нет, переживание само по себе является постижением, знанием переживания. А такое непосредственное, нерелекторное знание, как мы уже знаем, является характерной особенностью любого психического явления.

9. Подобное определение непосредственного знания не чуждо современной психологии. Тем не менее оно все-таки значительно отличается от определений сознания, предлагаемых психологами нашего времени.

Наиболее энергично тождественность психического и сознания защищает Brentano. Он исходит из известного факта о том, что, например, «когда у нас есть представление некоего тона, мы знаем, что у нас есть это представление»¹⁰, то есть мы не только слышим тон, но и знаем о том, что слышим. Это — известный факт, но проблема возникает именно здесь: сколько у нас в данном случае представлений: одно или несколько? Отдельно представление тона и отдельно представление представления тона? Ответ Brentano следующий: непо-

⁹ Geyzer I. Lernbuch der Allgemeinen Psychologie, B. I. 1920. S. 112.

¹⁰ Brentano Fr. Psychologie vom Empirischen Standpunkte. 1874. S. 166.

средственный опыт показывает, «что между представлением тона и представлением представления тона существует такая своеобразная внутренняя связь, что первое своим существованием способствует существованию второго»¹¹. Оба эти представления — один психический феномен, лишь логически разделенный на два, из которых одно — физическое (тон), а второе (факт того, что он услышан) — психическое. Этот единый психический феномен имеет двойное содержание: *первичное* — сам тон, который мы слышим, и *вторичное* — то, что этот тон услышан. Таким образом, каждому психическому феномену сопутствует представление о нем; это и есть то, что называется *сознанием*.

Однако сознание отнюдь не исчерпывается только этим. Правда, каждому психическому феномену сопутствует собственное представление, превращающее его в сознательное, однако это, по мнению Brentano, лишь одна из разновидностей сознания, наряду с которой существуют и другие. Таковыми следует считать: познание, или суждение, чувства, устремления и пр.

«Бесспорно, что психическому феномену часто сопутствует и познание», — говорит Brentano. «У нас, как известно, есть представления о психических актах, однако с этими представлениями связано — так же непосредственно, как представление со своим содержанием, — познание, или суждение: это именно этот, а не другой психический феномен. Следовательно, это познание совершенно невозможно считать отдельным актом, лишь сопутствующим психическому феномену. Нет, здесь мы безусловно с имеем дело с таким же внутренним соотношением между сознанием и объектом сознания, как в случае представления. То же самое следует сказать и относительно чувств: нужно также отказаться от мысли отдельного существования акта чувства, иногда сопутствующего психическому феномену, а иногда — нет; напротив, оно в общем связано с любым психическим актом».

Соответственно «каждый психический акт является сознательным; его сознательность изначально дана в нем самом. Любой, даже самый простой психический акт имеет двойной объект — первичный и вторичный. Первичным объектом простейшего акта — скажем, мы слышим некий тон — является этот тон, а вторичным — представление о самом этом акте как психическом феномене, в котором мы слышим тон. Применительно к этому вторичному объекту сознание представлено в трех видах: воспринимающее, познающее и чувствующее. Таким образом, любой психический акт, даже самый простой, имеет четыре стороны, с которых его можно рассматривать. Психический акт можно рассматривать как представление своего первичного объекта (например акта, в котором мы слышим некий тон), но можно рассматривать и как представление о нем самом, познание и чувствование. В совокупности этих четырех сторон он является предметом представления о самом себе, познания самого себя и чувств к самому себе»¹².

¹¹ Ibid. S. 167.

¹² Ibid.

Таков взгляд Брентано на сознание. Мы не станем детально касаться этого необыкновенно глубокого анализа сознания; отметим лишь то, что здесь возможность понимания непосредственного, нерелекторного знания обоснована с редкой убедительностью, но тем не менее для нас эти взгляды все равно неприемлемы. Брентано, как мы убедились, различает два момента: первичные и вторичные объекты, считая психический акт сознательным лишь постольку, поскольку он содержит представление своего вторичного объекта. Однако ведь и сам «первичный объект» следует считать психическим: ощущение тона несомненно является предметом психологического исследования, следовательно, факт непосредственного осознания должен быть дан еще до представления «вторичного объекта». С другой стороны, Брентано считает первичными видами сознания познания, чувства и представления. Однако непосредственное наблюдение со всей очевидностью доказывает, что здесь мы имеем дело либо с искусственной конструкцией, либо же, в лучшем случае, с приписыванием первичному сознанию не изначально присущих ему свойств, а возникающих на его основе с участием других актов. В действительности же первичное сознание есть простое нерелекторное узнавание, которому еще совершенно чужда определенная дифференциация, возникающая лишь в результате специального наблюдения, сущностно отличного от нерелекторного сознания.

10. Как мы убедились, основное значение сознания состоит в том, что каждый психический феномен представляет собой переживание, то есть содержит непосредственное, нерелекторное знание, данное вместе с переживанием и в самом переживании. Это и есть основная особенность любого психического феномена, и именно она делает понятным то обстоятельство, что познание возможно лишь через психику. Из этого основного значения сознания вытекают и другие его значения. Говорят, что сознание представляет собой совокупность и целостность психических переживаний. Подобное определение сознания не лишено оснований: коль скоро любое психическое сознательно, а сознательно только психическое, то очевидно, что рамки сознательного и психического совпадают, а потому объединение всей совокупности психических явлений определенного субъекта под понятием сознания совершенно правомерно. Поскольку сознание все-таки есть знание, пусть нерелекторное и непосредственное, причем знание не многообразное, а единое по своей сути, постольку оно объединяет в себе психические переживания. Поэтому признание того или иного переживания сознательным действительно то же самое, что превращение его в часть целого, объединенного на почве знания других существующих переживаний.

Таким образом, наша концепция сознания как изначально данного в самом переживании непосредственного, нерелекторного знания, оправдывает и другие главные значения сознания, что, разумеется, свидетельствует в пользу ее обоснованности. Однако перед ней стоит одно большое препятствие, преодоление которого связано с огромными трудностями.

И действительно, если в каждом переживании дана его сознательность, если в этом смысле каждый психический феномен следует признать сознательным, тогда что можно сказать о психических явлениях и состояниях, именуемых *бессознательными*?

11. Но прежде чем перейти к рассмотрению проблемы бессознательного, необходимо затронуть один связанный с сознанием вопрос — вопрос о том, одинаковы ли по своей полноте наши переживания. Иными словами, даны ли нам все психические феномены с одинаковой полнотой или же одни из них останавливаются на какой-либо предыдущей ступени развития и уничтожаются, не достигая своего развитого, завершеного вида? Очевидно, что коль скоро сознание дано нам в самом переживании, тогда и осознание подобных переживаний будет таким же неопределенным и незавершенным, как сами эти переживания.

Существует множество теоретических соображений в пользу возможности таких неразвитых психических феноменов. Особенно наглядно эти соображения касаются так называемых ощущений, не утрачивая, однако, своей силы и применительно к другим переживаниям.

В дальнейшем мы увидим, что ощущение возникает в определенных физиологических условиях: необходимым условием возникновения того или иного ощущения является беспрепятственное протекание нервного возбуждения и распространение до соответствующего центра, однако и само нервное возбуждение с необходимостью подразумевает воздействие соответствующего раздражителя. Как совершенно справедливо отмечает Гайзер¹³, развитию как одного, так и второго моментов может воспрепятствовать многое. Для того чтобы вызвать соответствующее возбуждение, раздражителю приходится преодолевать довольно значительные препятствия. Среди этих препятствий следует отметить следующее: 1) действие раздражителей иного характера (зачастую — противоположного), вследствие чего уменьшается энергия данного раздражителя; например, услышать тон при шуме, различить цвета в темноте; 2) приспособление соответствующего органа к определенному раздражителю, что препятствует обычному воздействию другого раздражителя: воздействие белого цвета на привыкший к красному цвету глаз вызывает ощущение не белого цвета, а зеленого; 3) многое зависит от общего состояния организма: действие раздражителей при усталости менее успешное, чем в отдохнувшем состоянии. Со многими препятствиями сталкивается и само протекание нервного возбуждения, так что физиологическое условие ощущения часто остается в зачаточном состоянии: иногда развивается слабо, часто останавливаясь на середине пути своего развития. Совершенно очевидно, что и соответствующий психический феномен — в данном случае ощущение — проявляется в различных ступенях своего развития, то есть либо в завершеном, либо же в неразвитом виде.

¹³ Geyzer I. Lernbuch der Allgemeinen Psychologie, B. I. 1920. S. 122.

Первый такой опыт проведен Вестфалем. Правда, в основе его исследования лежала иная концепция сознания, тем не менее полученные им результаты значимы и для наших целей.

Вестфаль наряду с определенной главной задачей ставил перед своими испытуемыми и случайную, второстепенную задачу. В ходе протекания опытов выяснилось, что сознательное переживание этой последней включало несколько различных ступеней. Соответственно, Вестфаль сделал общий вывод о существовании «ступеней сознания». Согласно его исследованию, существует *пять* таких ступеней сознания:

1. На первой ступени сознание представлено наиболее слабо, поэтому по сути испытуемый не переживает заданную второстепенную задачу ни в каком виде, кроме сомнения (*Vermutung*); однако по некоторым признакам он заключает: ведь это переживание должно было быть как-то связано с сознанием, иначе оно не могло появиться в показаниях.

2. Вторая ступень сознания — «*сознательная данность*». Это означает, что впечатление мы обязательно *замечаем*, но только замечаем и ничего более; оно не становится предметом отдельной рефлексии; мы даже не подразумеваем, что оно как-то связано с задачей. Подобная простая констатация впечатления — необходимое условие мышления: невозможно размышлять о чем-либо, если оно не дано предварительно.

3. Третью ступень Вестфаль именуется *вниманием* (*Beachten*), которое он считает двояким: *ослабленное* внимание, когда мы обращаем внимание на некое впечатление, но при этом даже не пытаемся понять, что это такое. Это — состояние, которое часто называют «отупевшим, застывшим взором». Тупой, конечно, не лишен способности внимания, но его внимание совершенно бессмысленно: он и не старается понять, что есть то, на что обращено его внимание. Иное дело — *полное* внимание, то есть мы не просто обращаем внимание, а направляем его с определенной точки зрения, с которой предмет узнается, как определенный предмет.

4. Четвертая ступень представляет собой ближайший результат третьей ступени. Вестфаль именуется ее ступенью «*потенциального знания*». Она выражается именно в том, что с определенной точки зрения предмет внимания узнается как определенный предмет. Здесь, следовательно, нам дано определенное знание, однако оно все равно не может быть сочтено обычным полным знанием — для этого ему недостает *словесного* выражения. Мы, безусловно, часто пользуемся таким лишенным словесной формулировки знанием. По мнению Вестфалья, это дает заметную экономию времени и душевной энергии, освобождая нас от сложного поиска соответствующего словесного выражения.

5. Пятая и последняя ступень — ступень *актуального, высказанного знания*. Решая задачу, испытуемый подтверждает свое переживание словесно или через какой-либо заранее согласованный знак.

Проблема бессознательного

1. Специфические особенности психических феноменов следует искать в *сознании*. Соответственно совершенно бесплодными представляются любые попытки, направленные на подтверждение *бессознательной* области среди психических феноменов. Таков вывод, вытекающий из нашего анализа сознания. Однако, с другой стороны, этому нашему выводу вполне можно противопоставить, например, следующее высказывание психолога Бехера: «Мы не можем в корне опровергнуть мысль о том, что и в нашей душе могут существовать реальности, пусть прямо нами не воспринимаемые, но которые можно подтвердить умозрительно. Совершенно непонятно, почему все душевное непременно должно быть замечаемым и сознательным?»¹⁴ И действительно, по убеждению Ал. Фишера, одним из результатов значительного развития современной психологии стало и то, что если раньше мысль о существовании бессознательного психического считалась *contradiction in adjecto*, теперь уже сама структура сознания, сами сознательные переживания указывают на бессознательное.

В современной психологии, как и философии, многие видные исследователи признают существование бессознательной психической сферы. По мнению Эрдмана, это — одно из основных достижений данных наук, открытие новой, ранее совершенно неизвестной сферы действительности.

На факт бессознательного впервые указал Лейбниц (XVII век). После него в психологии бессознательному была отведена особенно важная роль Гербартом, а в философии — Эд. Гарманом, философская система которого — так называемая *бессознательная философия* — основывается, по сути, на данном понятии. Бергсон в одном из своих публичных докладов превосходно обосновал, сколь богатой должна быть данная сфера действительности, потребовав для ее исследования такие же экспедиции, которые посылались на изучение новых континентов. Среди современных психологов необходимость исследования сферы бессознательного признавал, между прочим, и Липс. И, наконец, психоанализ Фрейда, ставший сегодня мощным интернациональным научным движением, почти всей своей тяжестью опирается на принцип бессознательного, во всяком случае — в направлении выявления душевной работы в данной сфере.

2. Совершенно естественно возникает вопрос: какой мотив вынуждает науку признать сферу бессознательной действительности, которая принципиально не может быть дана когда-либо и где-либо в нашем опыте?

По мнению Виндельбанда¹⁵, главный мотив внесения в науку гипотезы бессознательного не следует искать в нуждах самой эмпирической психологии, он вытекает из философских интересов. Быть может, Виндельбанд

¹⁴ Becher H. Gehirn und Seele. 1911.

¹⁵ Windelband W. Die Hypothesen des Unbewussten. 1914.

по существу прав; вполне возможно, что бессознательное принципиально не нужно психологии, однако фактически основой внесения этого понятия несомненно стало направление мысли, рассматривающее психические феномены с эмпирической точки зрения. А. Фишером дан анализ психологических проблем, которые, на его взгляд, следует считать мотивом внесения гипотезы бессознательного¹⁶.

А. Как известно, перед психологией, помимо описания и анализа душевных феноменов, стоит и задача их объяснения; психическое протекает во времени, оно зарождается, а затем куда-то исчезает. Поэтому естественно возникает вопрос: каково происхождение фактов сознания, почему и как они возникают и куда исчезают? Как отмечает Фишер, заведомо подразумевается, что данный вопрос касается не факта происхождения сознательного или психического вообще, а только возникновения факта индивидуального сознания. В частности, он звучит следующим образом: почему происходит так, что у меня сейчас возникает это желание, этот аффект, это представление? Необходимость найти ответ на данный вопрос выводит нас — по крайней мере, в некоторых случаях — за рамки сознания, указывая на бессознательную область. Таким образом, один из мотивов внесения гипотезы бессознательного вытекает из нужд объяснения психической действительности.

Б. Однако существует и другой мотив, связанный с первостепенной задачей психологии — описанием и анализом феноменологической структуры и состава душевной жизни. В сознании зачастую встречаются и такие переживания, которые невозможно считать сознательными — хотя бы в определенном смысле этого слова. С примерами подобных переживаний мы ознакомимся ниже.

В. И, наконец, в пользу существования бессознательного свидетельствует и факт таких переживаний, которым для того, чтобы стать сознательными, требуются определенные условия. Поэтому хотя бы до появления этих условий оказывается необходимым признать их существование в бессознательном виде: иначе понять эти переживания было бы невозможно. Таковы основные мотивы, вынуждающие современную психологию признать факт бессознательного.

3. Но какие психические факты следует признать бессознательными? Для ответа необходимо предварительно решить основополагающий вопрос: в каком смысле то или иное переживание именуется бессознательным?

Подобно сознанию, бессознательное безусловно подразумевает множество различных значений. А. Фишер три выделенные Э. Гуссерлем значения сознания увязывает и с понятием бессознательного. Еще дальше идет В.Г. Гельпах, выделяя восемь различных значений бессознательного, а именно: 1) невспомненное; 2) ненамеренное; 3) незамеченное; 4) механическое; 5) репродуцируемое; 6) продуцированное; 7) психически реальное и 8) абсолютное. Говоря о бессознательном, подразумевают все эти значения.

¹⁶ Fischer A.I. Untergründe und Hintergründe des Bewusstseins. Z.f. pad. Psychologie. 1916.

Для того чтобы оценить правомерность этих взглядов и окончательно решить, какое значение следует вкладывать в понятие бессознательного, рассмотрим предварительно тот фактический материал, который обычно считается бессознательным. Для этого обратимся к какому-нибудь психологу, признающему существование бессознательного, и посмотрим, какой психологический материал, какие психические случаи он считает бессознательными.

4. Как уже отмечалось, Фишер различает в психологии три основных мотива, в соответствии с которыми он выделяет три группы бессознательных фактов. Начнем с группы фактов, связанных с мотивом объяснения.

В данной группе первое место занимают так называемые диспозиции памяти. Что это такое? С феноменологической точки зрения несомненно, что человек может представить не только непосредственно созерцаемое, но и увиденное или, в общем, пережитое в прошлом. Тот факт, что я могу вспомнить увиденное или пережитое в прошлом, сомнений действительно не вызывает, но как этот факт возможен? Обычный ответ на данный вопрос следующий: самые разные впечатления, получаемые человеком, отнюдь не исчезают бесследно: они оставляют своеобразный след, который каким-то образом остается и после уничтожения впечатления. В соответствующих условиях происходит задействие этого следа, и тогда мы вспоминаем это впечатление. Такой след называется *диспозицией*; следовательно, ее существование необходимо прямо признать, коль скоро наличие у человека способности припоминания действительно факт.

Однако можно ли признать эту диспозицию человека сознательной? Совершенно бесспорно, что переживание факта диспозиции в сознании никогда не дано непосредственно, и в современной психологии ни один из исследователей не считает диспозицию памяти сознательной: она для всех непременно находится за пределами сознания.

Вопрос может быть поставлен лишь касательно того, имеет ли она психическую природу. Большинство считает диспозицию памяти явлением физиологической природы: это — своего рода изменение головного мозга человека, производимое однажды полученным впечатлением. Однако Фишер полагает, что только лишь изменение мозга ничего не объясняет, поскольку впечатление, в основе которого оно лежит, является психическим феноменом, а психическое невозможно объяснить только физиологическим. Поэтому он считает ее «частично психофизическим условием» определенного сознательного содержания. Следовательно, диспозиция памяти для Фишера пусть не полностью, но хотя бы частично является психической.

Второе место в этой же группе занимают так называемые *способности* (Anlage). Диспозиция памяти зависит от полученных субъектом впечатлений: если, допустим, я никогда не видел цвет, я не могу его представить. Если, скажем, я не слышал ни одного китайского слова, я не смогу его припомнить. Одним словом, в условиях отсутствия определенного впечатления отсутствует и соответствующая ему диспозиция. Таким образом, в любом случае диспозиция памяти — *приобретенное явление*. С другой стороны, несомненно, что сохра-

ненное в нас бессознательно в виде диспозиции памяти некогда было содержанием сознания: то, чего в сознании никогда не было, вспомнить невозможно. Следовательно, диспозиция памяти — это преобразование некогда сознательного факта в бессознательный.

Иное дело заведомо данные каждому индивиду врожденные диспозиции, которые никогда не представлены в сознании в своем непосредственном виде. Таковыми являются все особенности, придающие особый нюанс психической конституции индивида и накладывающие своеобразный, всегда неизменный, формальный отпечаток на его мышление, чувства и волю. Это — врожденные, заведомо бессознательные способности, лежащие в основе направления душевной динамики человека. Именно в соответствии с этим мы различаем разумных, остроумных, глупых людей или художественную, научную одаренность. Фишер подобные диспозиции считает не только бессознательными, но и психическими.

И, наконец, к этой же группе относятся так называемые *свойства* (Eigenschaften), которыми мы отличаемся друг от друга и развитие которых зависит от привычек, упражнения и приспособления.

Все эти бессознательные факты Фишер объединяет в одну, первую группу: *врожденные способности* (Anlage) и специальные таланты вместе с любого рода врожденной психической одаренностью, *приобретенные диспозиции памяти* и основанные на упражнении *свойства* относятся к бессознательному.

5. Вторую сферу бессознательного составляет группа *феноменологически бессознательных фактов*. Фишер и сам признает, что в данном случае слово «бессознательное» имеет уже другое значение: теперь им обозначены не психические диспозиции, выведенные путем умозаключения, а психические факты, подтверждающиеся тем же путем, что и сознательные психические явления. Следовательно, в данном случае мы имеем дело не с теоретическим понятием, используемым в целях объяснения, а феноменологическим, дескриптивно характеризующим своеобразные переживания. Феноменологически бессознательное содержит содержание, противоположное содержанию сознания; переживание некоего содержания как сознательного означает не только наличие переживания, но и *знание* того, что оно существует, знание его особенностей, тенденций, а также его проверку, критику и, наконец, подтверждение, поскольку сознательное переживание согласовано с нормами личности (а в идеальном случае — с нормами любого сознания), а потому входит в организованную целостность — систему внутреннего мира. Стало быть, феноменологически бессознательное представляет собой еще недоступное рефлексии и не поддающееся критике, еще не внесенное в целостность нашей личности переживание.

Подобное определение феноменологически бессознательного совершенно не исключает его своеобразную сознательную природу — сознательную в смысле, вкладываемом нами в первичное сознание. Поэтому, в сущности, особенно учитывать данную группу фактов бессознательного не было нужды. Однако для выявления состояния самой проблемы, и особенно характеристики

сознания, мы сочли полезным в общем рассмотреть все эти так называемые бессознательные факты. Фишер выделяет пять групп таких фактов.

К первой группе относится совокупность так называемого *случайного и мимоходом усвоенного умственного материала*. Здесь Фишер подразумевает всевозможные впечатления, полученные нами самыми разнообразными путями, с детства по сей день, но полученные бесконтрольно, безоценочно, между прочим, невольно. Многие из них нам непонятны или совершенно не интересны, многие неожиданны. Разумеется, у нас обычно нет ни желания и ни времени для того, чтобы все это надлежащим образом оценить и усвоить уже сознательно. Тем не менее нельзя полагать, что все это из нашей душевной жизни исчезает бесследно; напротив, всегда существует возможность того, что некая случайно приобретенная мелочь в определенный момент нашей жизни окажется значимой и бессознательно предопределил наши чувства и действия.

Но ни в коем случае нельзя и полагать, что эти переживания существуют в пассивном, неподвижном и неизменном состоянии; напротив, они увязываются друг с другом, видоизменяют друг друга и, в общем, протекают в соответствии со своеобразными закономерностями. Они изменяются независимо от нас, зачастую изменяя и наши сознательные переживания. Так наш душевный мир вбирает в себя множество *видоизмененных независимо от нас* психических феноменов.

Здесь мы уже имеем дело со второй группой бессознательного, примеры которого можно подтверждать ежеминутно, обращаясь к нашему сознанию. Возьмем хотя бы так называемые сновидения наяву, наши грезы. Даже совсем незначительного повода достаточно для того, чтобы в нашем сознании внезапно возникли удивительные образы. Интересно то, что это случается невольно, как будто само собой. Мы не можем сказать, что это происходит сознательно.

Следующую группу бессознательного составляют *душевно незавершенные* психические факты. В данном случае речь идет о таких фактах, которые мы начали сознательно перерабатывать, оценивать, но не довели до конца, оставив их, таким образом, в незавершенном виде. Такие душевные факты часто полностью забываются. Но иногда они невольно и совершенно неожиданно вмешиваются в работу нашего сознания, придавая ей соответствующее себе направление. Именно поэтому мы зачастую обнаруживаем в своих взглядах и мыслях чужие взгляды, убеждаясь в невольном плагиате. Особенно большое значение такие совершенно незавершенные душевные психические факты имеют в сфере чувств и воли, то есть в процессе «становления характера личности»: «лишь некоторые однозначно реализуют в них заложенное». Особенно наглядно это проявляется при выборе профессии: мы часто уже с детства думаем о своей будущей профессии; слышим о преимуществах и недостатках многих профессий, но, по большому счету, не оцениваем эти профессии, не соотносим с собственными силами и возможностями. Но когда наступает время выбора профессии, мы невольно руководствуемся этими предварительными сведениями. Наверное, именно потому очень редко кому удается найти свое истинное призвание и быть довольным своей профессией.

В четвертую группу феноменологически бессознательного входят такие душевные факты, которые по той или иной причине субъект либо не желает переживать, либо не желает *признать*, что они у него есть. Фишер такие переживания именует *непризнаваемыми* (*uneindestanden*). Особенно часто это происходит в связи с нашими личностными чертами: у меня есть определенная черта, которая, скажем, никому не нравится. В таком случае я стараюсь не только скрыть ее, но и борюсь с собой для того, чтобы избавиться или изменить ее. Зачастую достигнуть этого не удастся, но, вопреки этому, у меня постепенно растет убеждение, что этой черты у меня уже нет. Я не желаю признаться в том, что она у меня есть, не только другим, но и самому себе.

Подобное отношение к некоторым переживаниям в конце концов полностью вытесняет их из области сознания, но не уничтожает полностью. Так постепенно собирается целый круг подобных *вытесненных* переживаний. Несмотря на то, что они не проникают в сознание, тем не менее иногда полностью определяют его протекание. Особенно часто число подобных вытесненных переживаний растет под влиянием воспитания и нравственных норм, распространенных в обществе и противоречащих желаниям и взглядам подростка. Психоанализ Фрейда с особым вниманием исследует именно такие ставшие бессознательными переживания.

И, наконец, существует и третья большая группа бессознательного. Фишер противопоставляет ее как первой (психические явления, *утратившие* сознательность), так и второй (переживаемые без рефлексии) группам как переживания, *еще не ставшие* сознательными, но в соответствующих условиях (с помощью актов абстрагирования и сравнения) несомненно могущие стать таковыми. В данном случае Фишер подразумевает все те психические переживания, которые когда-нибудь в будущем могут стать содержанием сознания. В соответствии с этим человек, созерцающий, скажем, треугольник, вносит в свою душевную сферу всю геометрию треугольников, но, разумеется, бессознательно. Когда ребенок созерцает небесные светила, он тем самым бессознательно постигает всю астрономию. В этом смысле можно сказать, что возможности будущего развития научного знания уже сейчас в бессознательном виде существуют в каждом из нас. Очевидно, что в данном случае бессознательное содержит все *потенциально* сознательное: здесь бессознательное и потенциально сознательное — одно и то же. Совершенно ясно, что в данном случае мы имеем дело с понятием бессознательного Лейбница. Однако у Лейбница бессознательное представлено в виде *малых восприятий* (*petites perceptions*), психическая природа которых была для него непреложным фактом, хотя этого нельзя сказать о Фишере: не видно, почему потенциально сознательное непременно следует считать психическим. Однако в данном случае для нас это не имеет особого значения. Наша цель состояла лишь в учете всех тех фактов, которые по тем или иным соображениям считаются бессознательными. Как мы убедились, Фишер между прочим признает бессознательным и потенциально сознательное.

6. Достаточно пересмотреть все эти три группы бессознательного, чтобы тотчас убедиться, что каждая из них (это признает и сам Фишер) подразумевает совершенно различное значение бессознательного. Если основное значение сознания состоит в непосредственном, нерелекторном знании, ограничивающемся только просто наличием, данностью переживания, то тогда очевидно, что в этом смысле признать бессознательным можно лишь теоретическое понятие бессознательного, внесенное в целях объяснения. Но данное понятие совершенно не подходит ко второй группе бессознательного — феноменологически бессознательного; каждое входящее в эту группу психическое переживание можно считать бессознательным лишь постольку, поскольку оно не соответствует тому значению сознания, согласно которому таковым считается лишь осознаваемое через рефлексю. Однако рефлексия того или иного психического переживания с необходимостью подразумевает предварительную данность этого переживания в первом значении сознания. Следовательно, его невозможно считать бессознательным в этом первом значении. Это не отрицает и сам Фишер, признавая феноменологически бессознательное в этом смысле сознательным.

Поскольку входящее в третью группу бессознательное остается таковым до тех пор, пока оно не станет предметом специального внимания, сравнения и абстрагирования, следует полагать, что и оно считается бессознательным постольку, поскольку противостоит тому значению сознания, согласно которому сознательным признается внимательно рассмотренное, сопоставленное и абстрагированное, то есть, одним словом, *познанное* содержание. Следовательно, «пока еще бессознательное» означает еще *не познанное мысленно*. Соответственно, очевидно, что, подразумевая первичное основное значение сознания, бессознательной нельзя считать и эту третью группу.

Таким образом, из выделенных Фишером фактов у нас остается лишь одна группа, которую можно назвать бессознательной. Это обстоятельство осознает и сам Фишер, отмечая в завершении своего исследования следующее: в общем противоположным сознанию <...> является бессознательное, лишенное даже в минимальной степени сознательности, то есть представленности в сознании. Все то, что ни в каком виде не представлено в сознании, как, например, врожденные и приобретенные диспозиции, а также то, что лишь готово перейти в состояние представленности, следует считать бессознательным.

Итак, рассмотрим прежде всего данную группу фактов. Тут следует решить вопрос, насколько правомерно считать хотя бы диспозиции бессознательным психическим.

7. В первую очередь необходимо затронуть вопрос о существовании самих этих *диспозиций*. В качестве теоретического понятия, разъясняющего непреложный факт припоминания, оно безусловно полезно. Наше непосредственное наблюдение со всей очевидностью свидетельствует, что мы способны не только повторно представить однажды пережитое, но и убеждены в том, что некогда

пережили это содержание и оно входит в содержание нашего сознания сейчас не впервые, а отмечалось и в прошлом. Объяснить этот факт было бы совершенно невозможно, не подразумевая, что нечто каким-то образом в нас сохраняется, благодаря чему вновь возникшее представление идентифицируется как некогда пережитое. Именно по этой причине редко кто отрицает существование своего рода следа, диспозиции.

Однако, как уже отмечалось вскользь, речь идет о природе диспозиции: имеет ли диспозиция психическую природу или является лишь физиологическим фактом? А быть может, в ней представлено и то и другое вместе, и ее следует считать психофизиологическим процессом?

То, что диспозиция может иметь физиологическую природу, подтверждают физиологические наблюдения над животными. Так называемые *условные рефлексы* как будто должны формироваться на основании факта памяти. Остается впечатление, что на зов хозяйки по утрам курицы сбегаются именно потому, что ее голос напоминает им пищу. Когда животное получает пищу в сопровождении некого тона, в дальнейшем этот тон тотчас же вызывает у него слюноотечение. Как будто и в данном случае имеем дело с фактом припоминания. Однако физиологи считают доказанным, что в данном случае решающее значение имеет факт распространения возбуждения по *проторенному* пути, и припоминание здесь ни при чем. Это видно и из простого наблюдения: при виде солений у нас невольно, а иногда и незаметно подступает ко рту слюна. В этом случае невозможно сказать, что вначале мы представили своеобразный вкус солений и только после этого, под воздействием этого представления, произошла секреция слюны. В действительности речь идет о чисто физиологическом процессе.

Таким образом, распространение возбуждения по обычному пути дает схожий с припоминанием эффект, то есть мы имеем дело с определенным следом или диспозицией, имеющей физиологическую природу. Для некоторых исследователей это — непреложный факт.

Естественно возникает вопрос: если признание существования подобной диспозиции необходимо лишь для объяснения фактов памяти человека, но, с другой стороны, феноменологически она никогда не дана, а при этом существование физиологических диспозиций считается безусловным фактом, не следует ли полагать, что в любом случае подобная диспозиция имеет физиологическую природу? Большинство психологов именно так и решают данный вопрос.

Однако очевидно и то, что на пути подобного решения вопроса существует одно непреодолимое препятствие. Дело в том, что факт припоминания — психический факт: вызванное в памяти представление является психическим переживанием, а не неким физиологическим процессом. Но разве может феномен чисто физиологической природы объяснить происхождение психического? Физиологическое изменение протекает лишь в области физиологии, никогда не пересекаясь с принципиально отличной сферой психической действительности. Следовательно, если в основе фактов памяти лежат какие-либо диспо-

зиции, они должны иметь психическую природу либо полностью, либо хотя бы частично. Так думает, между прочим, и Фишер. Что можно сказать в связи с этим?

Во-первых, очевидно по крайней мере то, что здесь диспозиция не считается чисто психическим феноменом. Следовательно, если бессознательной следует считать только такую диспозицию, получается, что можно говорить не о бессознательном психическом, а только психофизическом феномене: но тогда не остается места для бессознательного психического; стало быть, от него нужно отказаться.

Но не будь даже так, коль скоро любой психический феномен, кроме диспозиции, дан в сознательном виде, а, с другой стороны, психический момент приписывается диспозиции лишь в целях объяснения, что, собственно, обязывает нас возлагать на диспозицию роль такого исключения? Очевидно, что здесь нужна иная точка зрения, способная объяснить непонятное на первый взгляд явление не только в этом случае, но и во всех остальных: невозможно предположить, что существует совершенно особая, своеобразная область действительности, роль которой проявляется лишь в одной группе фактов душевной жизни, в частности, фактов припоминания.

Таким образом, результат нашего анализа следующий: *бессознательное психическое переживание не существует*. В то же время самих психических переживаний недостаточно для объяснения их протекания. Необходимо выйти за рамки психического; однако и физиологические факты не способны дать удовлетворительное объяснение своеобразного протекания психических переживаний.

Понятие подпсихического

1. Чем, по существу, является то, что следует считать *бессознательным*? Думается, что в данном случае мы имеем дело с одной из сложнейших проблем, от решения которой полностью зависит наше психологическое мировоззрение. Не зря же говорят, что сознательные переживания человека — всего лишь разбросанные островки, всей своей тяжестью опирающиеся на скрытое от взора сознания прочное дно. Возникает вопрос, можно ли постичь своеобразную структуру этих «островов», смысл их распределения, состав, не изучив строение самого дна? Успешное развитие школы психоанализа, ее необычайно стремительный рост и непрерывно возрастающее влияние на чисто психологическое мышление главным образом объясняется тем, что именно этой школой предприняты самые смелые попытки проникнуть в сферу бессознательного. Вопрос о том, насколько правомерны ее представления о природе бессознательного, разъяснится в ходе изложения нашей концепции так называемого бессознательного. На наш взгляд, основная ошибка всех существующих теорий «бессознательного» состоит в признании его психической природы. Мы проти-

вопоставляем данному взгляду понятие *подпсихического*, полагая, что именно это и есть та сфера действительности, к которой обращается психологическое мышление в поисках так называемого бессознательного. Какие аргументы имеются у нас в пользу признания ее существования?

2. Начнем с рассмотрения нескольких бесспорных фактов.

Первый факт таков: существует субъект и существует внешняя действительность, воздействующая на субъекта в виде раздражителей. Для психолога достаточно признания этого факта, служащего предпосылкой его научных исследований. Но как только данный факт превращается в проблему, как только возникают вопросы о том, какова природа внешней действительности, какова та логическая основа, лежащая в основе признания этой внешней действительности, каковы отношения переживаний субъекта с подразумеваемыми в этой внешней действительности объектами и пр., — роль психологии завершается, уступая место теории познания. Мы остаемся на позиции психологии, принимая факт воздействия внешней действительности на субъекта без каких-либо гносеологических соображений.

На воздействие внешней действительности субъект отвечает некой реакцией. Это — второй бесспорный факт, заведомо подразумеваемый любой эмпирической психологией. Реакция бывает различной: она — либо моторная, то есть представляет собой какое-либо движение, либо — психическая (сенсорная, эмоциональная или волютивная). Каждая ответная реакция живого существа на внешнее воздействие непременно имеет некий определенный смысл, некую определенную цель. В противном случае эта реакция, как ненужная, или не возникнет вообще, или же рано или поздно исчезнет. Данный смысл, данная цель имеет *биологический* генезис и должна быть рассмотрена прежде всего с биологической точки зрения.

Примечательно, что моторная реакция может быть двоякой: одна — это так называемый рефлекс, а также все движения вообще, не требующие участия сознания, а вторая — волевые движения, подразумевающие широкое участие сознания. Целесообразность последнего понятна и сомнений не вызывает: полученное внешнее впечатление перерабатывается в сознании субъекта, обуславливая выбор пути и вида реагирования. Зато так называемый рефлекс, или инстинкт, реагирует на воздействие раздражителя непосредственно: сознание здесь полностью или частично остается в стороне. Невзирая на это, реагирование целесообразно, а иногда и более целесообразно, чем волевое движение, освещенное светом сознания.

3. Чем объясняется целесообразность рефлекса и подобных ему реакций? Данный вопрос переводит нас уже из сферы фактов в область гипотез.

До сегодняшнего дня рефлексы изучались в основном с физиологической точки зрения. Заведомо подразумевается, что именно по этой причине был и остается наиболее распространенным взгляд, согласно которому рефлекс следует понимать с чисто механистической точки зрения. В пользу этого приводятся следующие доводы: 1) во время глубокого сна, наркоза или экстирпации

головного мозга сознание не действует. Вопреки этому рефлексорные движения продолжают происходить, иногда с еще большей интенсивностью; 2) время реакции рефлексорного движения гораздо меньше, чем сознательного движения. Это означает, что рефлекс готов еще до проявления психической реакции и, следовательно, не требует участия сознания. Таким образом, современная физиология полностью отрицает смысл участия сознания в происхождении рефлексов. Но что предлагает она взамен?

Как известно, с точки зрения целесообразности рефлексов особое значение имеют факты их *координации* и *торможения*. Когда некий нормальный организм в ответ на раздражение сгибает ногу, он производит весьма сложную, но вполне скоординированную работу. Одна группа мышц ноги активно укорачивается, а вторая антагонистическая группа остается неподвижной. Наряду с этим различается и интенсивность сокращения мышц: одни сокращаются в большей степени, другие — в меньшей. Так координируется движение, вызванное через центральный орган. Ясно, что в основе сокращения каждой мышцы лежит процесс возбуждения соответствующего координационного аппарата, центральная возбуждательная иннервация. <...> Несомненно, что в координационном аппарате происходит определенный активный процесс и применительно к несокращающимся мышцам — активный процесс, препятствующий сокращению этих мышц и обеспечивающий их бездействие. В данном случае речь идет об определенной иннервации, которую можно назвать *тормозящей* иннервацией. Заведомо подразумевается, что в скоординированном движении возбуждающая иннервация одной группы мышц и тормозящая иннервация другой группы взаимосвязаны.

Лангердорф эти факты координации и торможения объясняет с чисто механистической, а точнее, с химической точки зрения. Распад вещества нервной клетки, то есть *диссимиляция*, вызывает действие нерва, а восстановление этого вещества, то есть *ассимиляция*, — прекращение действия. Соответственно, когда в возбужденный нерв входит новое возбуждение, действующее в направлении диссимиляции, рефлекс, разумеется, усиливается, а когда это возбуждение вызывает процесс ассимиляции, то вследствие встречи или интерференции с существующим возбуждением рефлекс ослабляется, и, таким образом, проявляется явление торможения.

4. На такую же механистическую точку зрения опирается и объяснение так называемых инстинктивных движений. Сегодня в естествознании наиболее распространена теория инстинктов Спенсера. Согласно этой теории, инстинкт представляет собой простую цепочку рефлексов (теория *цепных рефлексов*). Определенный раздражитель вызывает некое рефлексорное движение, которое либо само становится раздражителем для нового движения, либо способствует воздействию на субъекта какого-либо другого раздражителя, вызывающего новую моторную реакцию. Эта последняя, в свою очередь, действует аналогичным образом; так продолжается до тех пор, пока инстинктивное действие не завершится. <...>

Что лежит в основе этой цепочки движений? Согласно распространенному мнению, здесь, как и в случае простых рефлексов, подразумевается *прочный врожденный путь*, переносящий возбуждение с сенсорной системы на моторную. Следовательно, определенные раздражители вызывают определенные движения. Но как впервые возник этот путь, связывающий сенсорное впечатление с целесообразным движением? Объяснить это можно по-разному: 1) согласно *неодарвинизму*, данная связь возникла на основе отбора. Это означает, что из тех бесчисленных путей, которыми в процессе течения жизни некое определенное сенсорное впечатление связывалось с нейронами движения, вследствие многократного повторения были «проторены» лишь некоторые — направленные на целесообразное движение; 2) согласно *ламаркизму*, эти пути «проторены» на почве сознательно выбранного движения и сознательного многократного повторения, а затем *наследственным* путем переданы новой генерации. Соответственно инстинкт представляет собой ставшее привычкой приобретенное движение; 3) обе эти гипотезы можно объединить, получив, таким образом, взгляд *старого дарвинизма*.

Однако на пути подобного объяснения целесообразности инстинкта возникает заметное препятствие. В первую очередь следует отметить, что инстинктивные движения отнюдь не всегда однозначно связаны с сенсорными впечатлениями. Напротив, замечено, что одна и та же ситуация может вызвать множество различных инстинктивных реакций: если грудному младенцу положить в рот палец, он начинает его сосать: вначале сосательное движение такое же, как при сосании груди, но поскольку молоко не поступает, он начинает сосать энергичнее. Столь же энергичную реакцию вызывает и материнская грудь при сниженной лактации. Одним словом, одно и то же сенсорное впечатление вначале направляется к одному моторному нейрону, а затем — ко второму, и так продолжается до тех пор, пока цель не будет достигнута. Очевидно, что в данном случае инстинктивное движение предопределено целью. А это означает, что дать определение инстинкта с механистической точки зрения невозможно. <...>

Бехер выдвигает одно значительное соображение против механистической теории инстинкта. Существует вид пауков, инстинктивно убегающих от пчел. В данном случае раздражителем не является цвет, запах или величина пчелы: в одном случае пчела находится в одном положении, а в другом — в совершенно ином и т.д. Одним словом, «в глазах» паука пчелы могут быть совершенно различными, но тем не менее паук все равно убегает. Что говорит этот факт о теории инстинкта? Если инстинкт действительно опирается на прочные связи между определенными сенсорными и моторными нейронами, как это утверждает механистическая теория, тогда очевидно, что в этом примере следует признать существование стольких связей, сколько существует образов, в которых паук может увидеть пчелу. Несомненно, что необходимость признания неисчислимого количества путей следует считать безусловным доказательством бессилия механистической теории.

5. Однако коль скоро механистическая теория не в состоянии предложить удовлетворительное объяснение целесообразности рефлексов и инстинктов, она должна уступить место *психовиталистическим* теориям. Здесь мы не станем подробно рассматривать эти теории, достаточно коснуться главного принципа. Согласно этим теориям, объяснить целесообразность рефлексов и инстинктов можно лишь психологическим путем (или, по мнению некоторых исследователей, и психологическим путем): «Как неприятное чувство останавливает или препятствует произвольному движению, а приятное чувство его усиливает, точно так же некий психический фактор должен играть определенную роль в задержке и взаимной поддержке рефлексов»¹⁷. Роль психического фактора становится особенно очевидной, если вспомнить, что в качестве раздражителя выступает обычно предмет или явление определенного очертания. Поскольку раздражитель всегда предстает перед субъектом в новом виде — в зависимости от своей величины или его ориентации относительно органов чувств (как это видно из примера о пауках), приходится признать, что в основе инстинктивных движений может лежать тот или иной раздражитель лишь в том случае, если он, невзирая на все свои возможные видоизменения, всегда дает один неизменный специфический эффект. Таким эффектом следует считать то обстоятельство, что *форма, очертание* не меняется вместе с элементами, она относительно независима от этих последних, поэтому, несмотря на их изменение, она может оказывать на субъекта одно и то же воздействие. «Воздействие очертания, наверное, и в случае инстинкта следует объяснить психологически. Переживание очертания возбуждает аппетит и вызывает другие чувства и устремления; инстинктивное поведение должно вызываться такими же переживаниями, такими же психическими факторами»¹⁸.

Психовиталистические теории не пользуются особым влиянием. И это, конечно, так и должно быть, причем не только потому, что мышлению нашего времени уже не удовлетворяет механистический подход, но и особенно потому, что нет никаких доводов в пользу того, чтобы предполагать существование психических факторов там, где сознание их никогда не подтверждает. Существует целый ряд не только рефлексов, но и сложных инстинктивных движений, протекающих вне сознания. Сомневаться в этом не приходится, а признать здесь психический фактор можно разве что гипотетически. Но разве мы вправе назвать *психическим* нечто такое, что полностью лишено основного свойства психического — *сознания*? Именно поэтому некоторые исследователи говорят об особом виде психического, которое сущностно отличается от выявленных в нашем непосредственном сознании психических процессов.

6. Естественно возникает вопрос: а нельзя ли решить нашу проблему и вне механистически-виталистической альтернативы? Нельзя ли предположить, что в данном случае существует и третий путь?

¹⁷ Lange C. Über Gemütsbewegungen. 1889.

¹⁸ Becher H. Gehirn und Seele. 1911. S. 400.

Современная *гештальтпсихология* положительно решает этот вопрос. Она отрицает альтернативную природу нашей проблемы, указывая на возможность третьего пути. Видный представитель данного психологического направления Коффка усматривает особенность инстинктивных движений в их целостности. «Типичное инстинктивное движение в том его виде, в каком оно встречается в естественной жизни животных, оставляет впечатление не простой суммы отдельных частей, не имеющих ничего общего, а, напротив, целостного протекания, непрерывной последовательности движений. Инстинкт — не множество отдельных движений, а *целостное*, естественным образом структурированное *поведение*, особенности которого одинаково распространяются как на его начало, так и на завершение. Каждый член этого действия определяется местом, занимаемым им не только относительно предыдущего движения, но и всех остальных, особенно того последнего, которое достигает цели. Инстинкт оставляет впечатление не неупорядоченной последовательности отдельных тонов, а *мелодии*. В инстинкте реакция *приспособлена* к раздражителю, а не только вызвана им, и приспособленной является именно сама реакция, а не только ее следствие»¹⁹. Таким образом, характерной особенностью инстинктивных движений следует считать их «*направленность на цель*».

Откуда возникает подобная направленность на цель, когда животное о ней не имеет никакого представления? Именно в этом и состоит основная проблема, и Коффка решает ее вне механистически-виталистической альтернативы. Он отмечает, что нередко мы направлены на движение вперед, хотя ничего не знаем о цели: можно находиться в ожидании чего-то, но не знать, чего именно. С первого же акта драмы можно почувствовать, что случится нечто страшное, и считать каждую сцену подготовительным этапом, предпосылкой этого, при этом вовсе не зная, что именно может произойти. Еще нагляднее мысль Коффки иллюстрирует пример мелодии: звучит мелодия, которая внезапно обрывается. Несмотря на то, что слышишь эту мелодию впервые, все равно чувствуешь, что она не завершена. Или, например, совсем простая фигура $\triangle$. Что это такое? — «Треугольник с открытой вершиной», — ответит любой, хотя здесь налицо всего лишь два угла. Одним словом, мы часто чувствуем «незавершенность ситуации». Ясно, что говорить о незавершенности можно лишь там, где имеется *внутренняя целостность*. Инстинкт также представляет собой «явление, аналогичное ритму, мелодии и фигуре», и секрет его природы следует усматривать именно в этом.

Что лежит в основе этой целостности? Механистическая теория усмотрела бы ее основу в аппарате врожденных связей нейронов, психо-витализм — в участии психических факторов. Коффка отрицает и одно, и второе. Он опирается на результаты известных исследований Вертгеймера и Кёлера, согласно которым как нервным, так и неорганическим процессам присущи свойства ритма, мелодии — все то, что именуется *гештальтом* и оставляет впечатле-

¹⁹ Koffka K. Die Grundlagen der Psychischen Entwicklung. 1922. S. 70.

ние *целостности*. Но если это так, если в нашем организме «целостность» свойственна и физико-химическим процессам, тогда понятно, к чему следует обратиться, пытаясь объяснить инстинктивные движения: «Для объяснения инстинктивных движений следует искать не врожденную систему связанных нейронов, а изучать, какие целостные физико-химические процессы в каких условиях» вызывают удивительные результаты, именуемые нами инстинктами²⁰. Исходя из этой гипотезы, целесообразность инстинкта, как и рефлекса (который, по мнению Коффки, есть не что иное, как «окаменевший инстинкт»), объясняется так: «Коль скоро начальная и конечная фазы инстинктивного действия представляют собой одно *целое*, то понятно, что они связаны друг с другом отнюдь не внешне; между ними существует внутренняя и сущностная связь»²¹.

7. Теория Коффки безусловно весьма интересная попытка, однако, на наш взгляд, и она не сумела решить проблему. Главная идея, на которую она опирается, имеет, несомненно, сущностное значение: инстинкт есть не сумма случайно увязанных движений, приобретенных живым существом на основании прошлого опыта, а *целостная единица* с сущностно взаимосвязанными частями. Но этого явно недостаточно. Мелодия, ритм также является целостностью. Однако разве это означает, что каждый отдельный член такой целостности уже изначально предопределяет ее природу? Разве начальный тон мелодии или ровная линия сразу же диктует, с какой мелодией или какой фигурой мы имеем дело? Разумеется, нет. Некий начальный тон мелодии вполне может быть началом другой мелодии, как и прямая линия — основанием многих фигур: в одном тоне мелодия еще не видна, а в одной линии треугольник еще не усматривается. Элементом целостности не присущ ее нюанс, этот нюанс мы получаем лишь на почве завершения целостности. В противном случае невозможно было бы даже говорить об общих элементах: ведь четыре точки $\therefore$, представляемые в виде четырехугольника, и четыре точки $\cdot\cdot\cdot\cdot$, воспринимаемые в виде крестика, одни и те же четыре точки!

Распространив это соображение на инстинкты, мы понимаем, что взгляд Коффки отнюдь не решает проблему. В самом деле, как можно объяснить тот факт, что в определенной ситуации живое существо производит одно движение, а затем другое, уже более целесообразное? Коффка здесь указывает на понятие *незавершенного* состояния. Однако о незавершенности можно говорить лишь в том случае, когда или целое дано заранее, или у нас есть уже столько элементов, что вид целого можно счесть определенным: для мелодии — определенная последовательность нескольких тонов, а для треугольника — три, пусть незавершенные, линии. В начальной же фазе инстинкта дано лишь одно движение, еще ничего не говорящее об определенном целом; но с него возможен переход на движение во многих различных направлениях: ведь одно и то

²⁰ Koffka K. Die Grundlagen der Psychischen Entwicklung. 1922. S. 75.

²¹ Ibid.

же движение может входить в различные системы движений! Фактически же животное ведет себя в соответствии с ситуацией.

8. Совершенно очевидно, что в каждый данный момент возможен выбор многих систем движений и, следовательно, многих *целостностей* действий. Когда в определенной ситуации живое существо выбирает именно определенную целостность движений, это, наверное, происходит потому, что сама ситуация и возникшие на ее почве движения связаны друг с другом *не случайно*, а сущностно; они вместе создают *единое целое*. Заслуга Коффки, между прочим, состоит и в том, что он первым отметил этот момент целостности: «Реакция приспособлена к раздражителю». Однако он не сумел то ли почувствовать важность этой мысли, то ли развить ее и сделать соответствующие выводы. Дело не в «приспособлении», поскольку и приспособление можно считать *случайно* обретенным состоянием и, следовательно, механистическим процессом. Нет! Главное здесь то, что с определенной ситуацией *сущностно* связаны определенные движения, и когда живое существо делает выбор между различными возможностями движения, создавая, таким образом, целостную систему этих движений, это должно быть предопределено самой ситуацией: основой целостности движений является именно ситуация.

Однако прежде следует выяснить, каким образом совокупность инстинктивных движений в одно и то же время, отдельно и в связи с ситуацией, представляет собой одну и ту же целостность? Почему присоединение ситуации, то есть нового члена, ничего не добавляет к целостности инстинктивных движений, совершенно не меняет ее? Разумеется, это может стать понятным лишь в том случае, если предположить, что ситуация *каким-то образом уже изначально* дана в целостности инстинктивных движений. Невзирая на то, что на первый взгляд мысль о включенности ситуации в систему движений может показаться фантастической, объективно она соответствует истинному положению вещей.

Несомненно, что, говоря о ситуации, не следует подразумевать только раздражители, только объективные обстоятельства. Нет! Отдельно взятый раздражитель сам по себе никогда не является настоящей ситуацией, которая может вызвать то или иное поведение живого существа. Раздражитель создает настоящую ситуацию только вместе с моментальным состоянием субъекта: кусок мяса для голодной собаки — одна ситуация, для сытой — другая, а для спящей — и вовсе никакая. Таким образом, под ситуацией следует подразумевать два момента: один можно назвать *объективным* (раздражитель сам по себе), а второй — *субъективным*. Заведомо подразумевается, что они представляют собой *реальные компоненты* не единой целостной ситуации, а лишь понятия. Реально любая ситуация является единой нерасчлененной целостностью, поэтому в ней нельзя противопоставлять субъективное и объективное. Разумеется, ситуация не существует вне раздражителя. Однако это безусловное обстоятельство совершенно не обязывает нас полагать, будто раздражитель сам по себе представляет собой саму ситуацию или ее компонент. Разве не пра-

вильнее сказать, что раздражитель является столь же необходимым условием ситуации, как и сам субъект! Ведь факт, что ни кусок мяса сам по себе, и ни голод как таковой не может стать ситуацией. С другой стороны, не будь ни куска мяса, ни голода или одного из них определенная ситуация возникнуть не могла бы. Сама ситуация — это особое состояние, возникающее, скажем, в момент восприятия голодной собакой куска мяса: в ней оба эти момента объединены так, как в форме, или гештальте, объединены его элементы, которые можно вычленишь лишь путем абстрагирования от формы. Очевидно, что это состояние не является и объективным, то есть существующим вне самого субъекта. Будь это так, тогда под понятием ситуации следовало бы подразумевать только один, а именно — объективный момент. Это — *состояние самого живого существа*. Но тогда не придется ли опять-таки признать наличие только одного момента, на сей раз — субъективного? Нет! Когда бросаешь в воду камень, на поверхности воды возникают волнообразные движения, но происходит это по-разному, в зависимости от величины камня. Когда волны вызваны ветром, мы имеем одну картину, а когда кораблем — другую. Это означает, что в данном случае мы имеем дело не с простым изменением состояния поверхности воды, а с совершенно определенным изменением, в котором усматривается сущность вызвавшего его «агента». Соответственно в движении волн слиты воедино оба момента — и состояние поверхности воды, и его агент. Можно сказать, что состояние поверхности воды реально является нерасчлененной целостностью, в которой усматривается и ее вид и внешний агент.

Сказанное относительно воды с гораздо большими основаниями можно повторить в случае живого организма. Любой воздействующий на меня раздражитель безусловно как-то влияет на меня, вызывая некое изменение. Но считать это изменение случайным невозможно. Оно создано не только мною, в него свой вклад внесен и внешним агентом. Поэтому это изменение, разумеется, является прежде всего моим состоянием, однако в каждом отдельном случае в нем отражается и сущность внешнего агента. С такой точки зрения это также и состояние *переноса в меня* внешнего агента. Моим состоянием, следовательно, является то своеобразное состояние, в котором встречаются и сливаются *субъективное* (Я, мое состояние) и *объективное* (внешний агент); при этом отличающиеся аспекты субъективного и объективного уничтожаются, становятся ненужными, и оно предстает в виде особого нерасчлененного целого. Тем не менее отрицать в нем участие субъективного и объективного невозможно, и именно поэтому мы говорим о них, как о *моментах понятия* этого состояния (а не его компонентах).

Теперь ясно, что мы подразумевали, говоря о понятии *ситуации*. Ситуация есть именно то целостное состояние, в котором сливаются субъект и объект. Понятно и то, почему под понятием ситуации следует подразумевать оба эти момента.

Однако еще не видно, какие доводы позволяют нам утверждать, что ситуация и система инстинктивных движений является единым целым. Этот

вопрос еще предстоит решить. Как мы убедились, в ситуации каким-то образом объединены оба момента — и субъективный, и объективный. Но если это так, если ситуация является состоянием субъекта, но таким состоянием, в которое одновременно входят и объективные обстоятельства, то есть *объективное перенесено в субъективное*, это означает, что ситуация содержит в себе решение *изначально*. Для прояснения этой главной мысли мы не можем не обратиться к аналогии из содержания сознания. Совершенно бесспорно, что психологически познание означает субъективное постижение объективного, перенос объективного в субъективное. До тех пор, пока это не произойдет, объективное не станет нашим; никто не говорит о познании объективного до тех пор, пока его не затронет сознание, пока внешнее не станет внутренним, пока оно остается трансцендентным. То же самое можно сказать и о нашем понятии ситуации, которое, подобно сознательному познанию, подразумевает овладение объектом. Различие лишь в том, что в первом случае овладение осуществляется сознательно, а во втором субъект о нем ничего не знает. Но это различие не имеет сущностного характера, а потому ничто не мешает нам повторить, что ситуация уже изначально представляет собой решенную задачу.

Но она еще не дана на уровне сознания самого субъекта. Она как таковая представляет собой свершившийся факт, но для сознания субъекта ей еще предстоит произойти. Она решена, так сказать, *in nuce*, а для субъекта будет решена тогда, когда развернется *во времени*. В случае инстинкта она разворачивается в виде отдельных движений, и неудивительно, что эти движения вместе с самой ситуацией создают целостную единицу: ведь по существу эти движения есть развертывание самой ситуации.

Таким образом, теперь наша концепция инстинкта уже полностью определена: весной птица находится в сексуально возбужденном состоянии. Она видит перья, высохшую траву; собирает все это в одном месте, причем в совершенно определенном порядке: она строит гнездо. Сколько движений, сколько различных действий потребуется для того, чтобы подготовить для птенцов действительно надлежащее убежище! Она ничего не знает об этой своей цели, не имеет никакого представления о плане построения гнезда. Тем не менее она, как будто совершенно механически, во всяком случае — без сознательного знания, почти всегда безошибочно достигает своей цели.

Здесь мы имеем дело с типичной системой инстинктивных движений. Как происходит все это? Восприятие материала для гнезда вызывает у специфически возбужденной птицы особое состояние: то, что мы называли *ситуацией*. Отныне перья и трава для нее уже не обычные перья и трава, а нечто каким-то образом объединенное с ее моментальным состоянием. В эту ситуацию не входят, скажем, камни или черви: в ней имеет «место» лишь то, что объективно годится в качестве материала для гнезда. Таким образом, в ситуации уже изначально осуществлен выбор материала. Но не только это: в ней, так сказать, уже готово и гнездо, поскольку птица находится в специфическом состоянии, и ситуация создана этим состоянием и восприятием объективного материала.

Следовательно, если материал выбран уже в самой ситуации, если само гнездо дано в ней же, тогда очевидно, что движения птицы следует признать изначально определенными: они с начала до конца направляются созданной ситуацией. Однако нельзя забывать о главном: данная ситуация представляет собой состояние самой птицы, она дана в ней, а не извне.

Теперь уже не остается ничего таинственного в удивительной целесообразности инстинкта. Если решение задачи птицы дано уже в ситуации, если она сама владеет этой решенной задачей, то что мешает птице среди множества возможных движений обратиться именно к целесообразным? Решенная задача живет в ней, и неудивительно, что она руководствуется ею. Ясно, что здесь не идет речь об осознанном руководстве. Нет, здесь мы имеем дело лишь с развертыванием во времени в виде движений *in nuce* решенной задачи, а руководство в данном случае означает лишь то, что происходит *саморазвертывание* решенной задачи, а не что-либо иное. Тот факт, что в случае инстинкта животное иногда совершает ошибочное движение и только потом находит соответствующее, не только не годится в качестве аргумента против нашей гипотезы, а, напротив, даже свидетельствует в ее пользу. Торндайк и Коффка для объяснения этого факта совершенно правомерно использовали понятие *незавершенности*. Но ни один из них не сумел найти то основное, что лежит в его основе. Как уже отмечалось выше, для этого не годится ни возбудительная готовность путей врожденных нервных связей Торндайка, ни понятие «незавершенной структуры» Коффки, подразумевающее фактически предварительную данность структуры. Зато для нашей гипотезы данная трудность вполне преодолима. Задача животного, находящегося в том особом состоянии, которое мы назвали «ситуацией», уже решена: инстинктивные движения представляют собой развертывание *in nuce* решенной задачи, поэтому неудивительно, что животное тотчас отказывается от случайного несоответствующего движения и ищет новое; после одного совершенного движения животное либо продолжает действовать в направлении другого возможного движения, либо вообще перестает действовать. Если само состояние животного содержит решенную задачу, если оно внутренне владеет ею, в своем поведении разворачивая ее, то очевидно, что животное выберет именно систему определенных движений, то есть систему, позволяющую развернуть уже предварительно решенную задачу.

С этим связано и второе преимущество нашей гипотезы. Известно, что при инстинктивном действии животное никогда не повторяет одно стереотипное движение: птица, воспринимая материал для своего гнезда, не в состоянии предвидеть, какие движения она совершит в ответ на это: ведь для достижения одной и той же цели можно совершить тысячи и десятки тысяч частных движений. Поэтому и птица один раз обращается к одному движению, а во второй раз — к другому. Этот своеобразный факт инстинкта, столь схожий с сознательным произвольным движением, удовлетворительно не может объяснить ни одна из известных гипотез. <...> С позиций нашей гипотезы эта трудность снимается: коль скоро задача решена предварительно и структурное

целое возможных движений дано заранее, то очевидно, что дело не в отдельных движениях, а в целом, в которое в качестве компонента может попасть любое движение, лишь бы оно позволяло развернуть задачу. Вернувшись к нашему примеру, можно сказать, что когда птица строит свое гнездо, она испытывает совершенно особое *состояние*, в котором построение гнезда дано *in puse*. Среди тех многообразных движений, в которые выливается это ее состояние, для него в равной степени приемлемы любые, лишь бы они соответствовали этому ее состоянию.

9. Основным смыслом нашей гипотезы, как это уже неоднократно отмечалось, состоит в понятии «ситуация»: имеющее определенную потребность, определенный настрой живое существо испытывает воздействие предметов и явлений внешней действительности. Но в данный момент из круга этих последних отклик в природе живого существа находит лишь объективно связанное с его моментальным настроением, его потребностью. Встреча этих двух моментов — объективной обстановки, с одной стороны, и субъективного состояния — с другой, создает у живого существа новый, совершенно своеобразный «настрой», в котором происходит взаимное слияние обоих моментов, *превращение в единое целое*. Мы могли бы назвать это объединение и *взаимным приспособлением*, но с одним условием: если будет забыто значение этого понятия, выработанное на почве механистического мышления. Совершенно очевидно, что объединение и взаимное приспособление этих моментов уже означает решение задачи, и постольку, поскольку этот «настрой» представляет собой настрой живого существа, оно является носителем решенной задачи. Но задача еще не решена фактически, эмпирически. Для этого необходимо, чтобы внешняя действительность изменилась так, как предусмотрено в «ситуации», объединяющей субъективное с объективным. В случае инстинкта это осуществляется в виде движений. Следовательно, система инстинктивных движений есть не что иное, как внешнее и фактическое *развертывание* внутренне решенной задачи. Но коль скоро это так, тогда факт удивительной целесообразности инстинкта утрачивает всю свою таинственность. Но разве только инстинкта?!

10. Для иллюстрации понятия «ситуация»²² выше мы обратились к аналогии брошенного в воду камня. Тогда это нам понадобилось для того, чтобы направить мысль в нужное русло. Но сейчас эта аналогия уже совершенно бесполезна: ведь *целостный настрой*, то есть то, что мы называли «ситуацией», никогда не встречается в неживой природе, так как в ней подразумевается и момент субъективного настроя, или потребности, что в неживой действительности, хотя бы эмпирически, не имеет места. Следовательно, такой целостный настрой может иметь только живое существо: только перед ним действительность ставит определенную задачу, поскольку способность свободного выбора

²² Термин «ситуация» не подходит для нашей цели. В науке он имеет вполне определенное значение, а потому внесен лишь для временного пользования. В будущем придется найти более подходящий термин.

реакции дана только ему. Как только живое существо утратит эту способность, то перестает быть живым — оно умирает.

Однако коль скоро в основе целесообразности свободной реакции лежит только лишь объединяющий субъективный и объективный моменты настрой, получается, что этот последний и есть принцип жизни. Поэтому, думается, можно с полным правом признать, что в его лице мы имеем дело с до сих пор не выявленной сферой действительности, которую можно назвать *биосферой*. Предполагается, что то, что подразумевается под «ситуацией», или целостным настроением, представляет собой вызванное в биосфере состояние. Поэтому неудивительно, что задача решена еще до тех пор, пока живое существо осуществляет ее в виде движений. Неудивительно и то, что зримое поведение живого существа протекает под руководством биосферы: напротив, это заведомо подразумевается. И поскольку наша гипотеза обосновывает именно данное соотношение, то следует считать ее несомненным преимуществом.

11. Мы уже знаем, что биосфера не является областью психической действительности, что созданный в ней *настрой* не является *сознательным* переживанием субъекта. Но ведь существуют и сознательные реакции! Так какое отношение существует между этими последними и биосферой?

Факт воздействия внешней действительности на живое существо вызывает у него биосферный специфический настрой. В случае инстинкта живое существо развертывает ее в виде последовательности определенных движений. Но понятие биосферы не включает ничего такого, что изначально подразумевает переход к осуществлению движений. Напротив, сложность живого организма усложняет и сам биосферный настрой, что препятствует, затрудняет ее разворачивание в виде непосредственных движений. Именно поэтому внешние впечатления вызывают реакции человека не непосредственно, а лишь после их прохождения через его *сознание* и выбора одного из них. Между полученным впечатлением и ответной реакцией появляется своего рода временной пробел, заполняемый так называемой работой сознания. Таким образом, теперь прямая связь устанавливается не между реакцией и объективной обстановкой, а мая связь устанавливается и работой сознания. Разумеется, данное обстоятельство между этой последней и работой сознания. Разумеется, данное обстоятельство не меняет природу отношений между живым существом и внешним впечатлением (или, если угодно, внешней действительностью): *роль биосферы и здесь остается такой же*, как в случае инстинкта. Все это означает, что наши психические переживания появляются на почве биосферного настроя, их смысл состоит в своеобразном уяснении биосферного состояния, они предназначены для сознательного отображения данного в нем положения дел. Следовательно, работа сознания направляется биосферной диспозицией, которая, разумеется, полностью предопределяет его содержание. Поэтому биосферу, коль скоро речь идет о ее соотношении с сознанием, можно назвать и *подпсихической*.

Таким образом, все то, что находит и предоставляет нам сознание, дано, по сути, уже в *подпсихическом*. Различие состоит лишь в том, что в подпсихическом оно представлено *in puse*, а в сознании переводится на язык психики, и

уже виде поведения разворачивается в пространстве и времени. Позволив себе обратиться к аналогии, мы могли бы сказать, что в подпсихическом объективная действительность дана так же, как на непроявленной фотопленке сфотографированный ландшафт. Для того чтобы этот ландшафт стал зримым, нужно проявить негатив. Сознание, то есть психическое, представляет собой именно подобное «проявление» *подпсихического*.

12. Подобная концепция сознания позволяет разъяснить многие до сих пор невыясненные вопросы; и это обстоятельство, конечно же, говорит в пользу ее правомерности. Мы здесь назовем только некоторые вопросы.

Выше мы говорили о строении сознания и убедились, что наиболее характерной для него является структурная целостность. Однако в то же время оно включает множество отдельных содержаний. Довольно значительная группа психологов пытается вывести эту целостность из факта множественности элементарных переживаний. Подобная психология известна под названием атомистической психологии, и естественно, что в противовес ей зародилось мощное направление, которое с течением времени все более и более успешно развивается. Несводимость целостности сознания — вот основная мысль, обосновываемая этим направлением под названием *структуры, гештальта* или *персонализма*. Но тем не менее нельзя сказать, что вопрос решен окончательно. Структурная психология имеет одно большое преимущество: она опирается на принцип целостности, а поскольку она подтверждает это фактами, мы чувствуем, что истина на ее стороне. Однако сам факт нуждается в объяснении; до сегодняшнего дня именно это обстоятельство и подпитывает атомистическую психологию. До тех пор, пока вопрос не будет разрешен, структурная психология, все еще пребывающая, по сути, на уровне дескрипции, не сумеет подорвать основы атомистической психологии.

Думается, что наша концепция должна способствовать решению данного основного вопроса. Целостность сознания — факт. Но этот факт никто и не отрицает. Проблема в том, откуда возникает этот факт, и в свете гипотезы подпсихического данная проблема утрачивает всю свою остроту. В самом деле, если подпсихический настрой в каждый отдельный момент является целостным состоянием, а психика, со своей стороны, представляет собой лишь проявление этой целостности, разве можно считать, что сознание сводится к сумме элементов, а его целостность — вторичное явление? Думается, данный вопрос в ответе не нуждается, настолько ясно он вытекает из нашей концепции.

13. С вопросом целостности сознания связан второй основной вопрос, а именно, вопрос *целостности и тождественности Я*. Разумеется, здесь мы не сможем затронуть все связанные с данной проблемой вопросы: необходимого для этого материала у нас еще нет.

Как известно, наши переживания следуют друг за другом: первое сменяет второе, второе сменяет третье; сознание в каждый отдельный момент содержит целостность различных переживаний. Вопреки этому непосредственно чувству-

ешь, что все эти переживания принадлежат тебе, что в их основе лежит один субъект. С другой стороны, несомненно и то, что на протяжении всей нашей жизни содержание нашего сознания многократно меняется: переживания детства — это одно, а периода возмужания или старости — совсем другое. Сон без сновидений создает безусловный разрыв между вчерашним и завтрашним сознанием. Тем не менее мы все равно говорим о тождественности своего Я: переживания детства или вчерашние переживания — мои переживания, такие же мои, как и те, что я испытываю сейчас. Вопрос о том, что лежит в основе этой целостности и тождественности субъекта, или Я, до сих пор остается спорным.

Так называемая ассоциативная психология, то есть направление психологической науки, согласно которому в основе протекания всей нашей душевной жизни лежат ассоциации простых переживаний, решает вопрос тождественности и целостности Я в соответствии с этим же принципом: «Говорим же мы, что у растения есть корни, ветви, листья; но в действительности растение и есть эти его части и ничего более. Так и человек: то, что мы называем Я, считая субъектом переживаний, в действительности не содержит ничего, кроме совокупности этих переживаний»²³. Таково мнение ассоциативной психологии (например, Эббингауза). Соответственно здесь излишне говорить об отличном от переживаний, всегда одном и том же субъекте, или Я: таковое не существует. Однако те, кто считают невозможным отрицать принцип *активности* в нашем сознании, не смогут принять и предложенное ассоциативной психологией решение проблемы Я. Так называемая *психология актуальности*, основоположником которой следует считать Вундта, предлагает своеобразное решение проблемы Я: «Целостность сознания — факт. Однако что лежит в основе этой целостности? Ответ на этот вопрос такой: простая и неизменная душевная субстанция. Однако будь это действительно так, тогда чем можно объяснить бесспорный факт многообразия и изменения явлений сознания?»²⁴ — спрашивает Вундт. Поскольку психические переживания сами являются действительностью, а не ее проявлением, поэтому принцип их единства следует искать в ней же, — прое должает он. Таким принципом Вундт считает волю, или душевную активность. Следовательно, в основе душевной жизни лежит воля, и именно на непрерывности ее активности и основывается тождественность и целостность Я.

Думается, что вместо критической оценки этих двух противоположных теорий предпочтительнее непосредственно противопоставить им наш позитивный взгляд. Мы уже знаем, что подпсихическое состояние представляет собой биосферный настрой, на канве которого проступает содержание сознания в каждый данный момент. Но если это так, то никак нельзя предположить, что различные состояния подпсихического сменяют друг друга скачкообразно или с разрывами. Напротив, каждое такое состояние безусловно строится на основе предыдущего и носит его отпечаток. То, что это так, видно из предложенного

²³ Ebbinghaus H. Grundzüge der Psychologie. 1919.

²⁴ Wundt W. Grundriss der Psychologie. 1908.

нами выше определения понятия «ситуация». Следовательно, тот факт, что мы никогда не встречаем переживание субъекта, или Я, в содержании сознания, обусловлен тем, что в основе такого единого и неизменного Я лежит целостность и тождественность биосферного состояния.

14. Здесь вкратце следует затронуть и понятие *диспозиции*, считающееся главным аргументом в пользу *бессознательного*. Диспозиция — экспликативное понятие, признание которого обусловлено нуждами объяснения феноменологической природы памяти: полагают, что пережитое содержание должно оставлять некий след, иначе факт припоминания оказался бы совершенно необъяснимым. Однако где возникает этот след и какова его природа? Удовлетворительного ответа на этот вопрос все еще не видно. Наиболее приемлемой можно считать физиологическую теорию, не зря же она получила столь широкое распространение! Однако основным фактом памяти является не столько *сохранение* единожды полученного переживания, сколько *узнавание* этого сохраненного переживания, признание его однажды уже испытанным в определенных условиях. Но здесь физиологическая теория бессильна. Многократное повторение переживания усиливает возбудимость соответствующих нервных путей, что облегчает его возобновление. Однако что такое может содержать усиленная возбудимость нервного пути, что позволяет *узнать* соответствующее переживание? Безусловно, ничего. Более того, физиологическая теория не позволяет объяснить и сохранение переживания, поскольку физиологически трудно понять, почему не происходит взаимное уничтожение этих путей, ведь память вмещает огромное количество впечатлений? Мы полагаем, что для объяснения факта памяти вовсе не требуется понятие диспозиции. Признав понятие подпсихического, с одной стороны, и учитывая ее отношение и роль применительно к психическому — с другой, становится понятным, почему мы думаем так. Действительно, ведь психическое есть всего лишь сознательное проявление подпсихического настроя. Следует полагать, что с повторением психического содержания мы имеем дело только в том случае, когда заново возникает состояние самого выявляемого: возможность независимого возникновения переживаний, пусть даже путем репродукции, на наш взгляд, следует полностью исключить. Следовательно, в случае припоминания мы всегда имеем дело с повторным возникновением переживаний. Если это так, тогда нельзя говорить об их сохранении в том или ином виде в сознании или где-либо за пределами сознания.

Однако возможно ли повторение биосферного настроя? Поскольку в него входит и момент состояния живого существа, то, разумеется, такое повторение невозможно. Но, с другой стороны, поскольку в объективной действительности мы встречаем однородные и схожие явления и комбинации, они должны переходить и в область подпсихического. Следовательно, можно предположить, что в подпсихическом происходит если не полное, то хотя бы частичное повторение. Но если это так, тогда что может помешать повторному возникновению в сознании тех же переживаний!

Подобная концепция памяти имеет одно большое преимущество: она делает понятным основной факт целостности памяти, то, что ассоциативная связь представлений на одной единой почве — это одно, а на второй — другое: одно и то же представление бывает увязано с огромным количеством самых разных представлений. Тем не менее в одном случае оно репродуцирует одно, а во втором случае — другое. Замечено, что данное обстоятельство зависит от *целостного* настроя сознания. Однако, во-первых, неизвестно, чем обусловлена эта таинственная целостность сознания, а, во-вторых, если в основе памяти лежат известные законы ассоциации, то почему она «считается» именно с этой целостностью? С точки зрения гипотезы подпсихического подобный вопрос не возникает, целостность дана уже изначально: это — целостность подпсихического настроя. И когда в какой-то момент сознания одно определенное переживание напоминает именно такое переживание, которое связано с целостностью актуального содержания сознания, это происходит потому, что эти переживания фактически не оживляют друг друга, а возникают на почве определенного настроя подпсихического. Заведомо подразумевается, что эти переживания связаны друг с другом только в пределах актуальной целостности, а не какой-либо другой целостности, в которую они не входят. Очевидно, что в таких условиях сам собой снимается и вопрос *узнавания*.

Мы полагаем, что предварительное определение понятия подпсихического можно считать завершенным. Материал, имеющийся в нашем распоряжении на настоящий момент, не позволяет постичь данное понятие во всей его глубине.

Проблема соотношения между психическим и физиологическим

1. Факты локализации со всей очевидностью доказывают существование связи между психическими и физиологическими процессами. Но не будь даже этого, на факт такой связи указывает и обычное наблюдение, причем буквально на каждом шагу: ощущение возникает лишь в ответ на внешний раздражитель, наши желания и устремления достигают своей цели только в виде надлежащим образом выбранных движений организма. Даже факт культуры был бы лишь иллюзией, будь психическое связано только с психическим, а физическое — с физическим.

Но непосредственное наблюдение ничего не говорит нам о характере этой связи. Факт, что за моим желанием следует соответствующее движение тела, что ранение сопровождается ощущением боли. Однако из самого этого переживания совершенно не виден характер связи, существующей между прочно увязанными рядами явлений. Для постижения природы этой связи не остается иного пути, как выйти за пределы прямого наблюдения и приступить к поиску в области теоретических размышлений. Вопрос о природе взаимоотношения

между психическим и физическим (или физиологическим) безусловно является теоретической проблемой.

2. Но что превращает данный вопрос в проблему? Разве не общеизвестно, что связь между психическим и физическим имеет *каузальный* характер? Наивному человеку даже не придет в голову, что можно сомневаться в *причинной* связи между ранением и болью или неким произвольным движением и желанием. Одним словом, мы все заведомо уверены, что между психическим и физическим существует *причинная* взаимосвязь.

Однако научное мышление наших дней сформировалось именно в процессе борьбы с подобной теорией. Раньше, когда наука еще находилась на начальной фазе развития, и вместо нее разумом человека руководила вера, все объяснялось силой Божественного провидения. Для примитивного мышления, говоря словами Эббингауза, «мир был полон духами, демонами, нимфами, феями, которые постоянно вмешивались во все процессы, направляя физические закономерности в соответствии со своими желаниями»²⁵. Тенденция истинной науки всегда была направлена против этих чуждых сил: ею руководило желание объяснить все явления физической действительности действующими в рамках этой же действительности процессами. И данная тенденция, особенно после Галилея, была признана необходимым признаком научного мышления. Современное естествознание развилось именно в этом направлении, и сейчас считается совершенно неприемлемым объяснять какое-либо физическое явление иначе, чем путем физической причинности: «Любое изменение вещественной природы, будь то неорганическое или органическое (в частности, нервной ткани), имеет только лишь физическое значение, представляя собой исключительно физико-химическое изменение, обусловленное только лишь физической причиной»²⁶. Это Вундт именовал *принципом замкнутой причинности* и считал необходимым постулатом научного мышления.

Очевидно, что мысль о причинном взаимодействии психического и физического плохо сочетается с данным принципом. Коль скоро возможно изменение нервных процессов под воздействием психического, то физиология, в частности, должна отказаться от принципа замкнутой причинности и вернуться на ту ступень развития научного мышления, на которой она находилась до Галилея. Тогда перед нами развернется следующая картина: «Везде, во всей действительности, движение прекращается только тогда, когда движущиеся частицы встречаются с какими-либо препятствиями, либо приостанавливающими движение, либо вынуждающими эти частицы преодолеть некое сопротивление, а вызванные этим изменения подготавливают новое движение. Не вызывает сомнений, что аналогичные процессы происходят и в живом организме, когда речь идет о мышцах, легких или кровообращении. Согласно теории взаимодействия, в некоторых областях мозга действительно разворачивается по-

²⁵ Ebbinghaus H. Grundzüge der Psychologie, 4. A., 1919.

²⁶ Ланге Н.Н. Психология. 1922.

трясающее зрелище. Здесь колеблющиеся или движущиеся частицы должны останавливаться внезапно, как будто натолкнувшись на глухую дверь, вопреки отсутствию какого-либо вещественного препятствия... Или же вдруг начинается колебание неподвижных частиц, без пресечения какого-либо вещественного столкновения или существующего препятствия. В таком случае физиолог должен был сказать: вот здесь видимое движение превратилось в невидимую мысль, или: здесь желание животного сдвинуло с места неподвижные частицы»²⁷. Разумеется, «физиология не может так легко отказаться от аксиомы, что физические результаты вызывают только физические причины»²⁸, и это зарождает сомнения в правомерности взглядов теории взаимовоздействия.

3. Но существует и второе соображение, делающее проблематичным мысль о каузальности психического и физического. Принцип замкнутой причинности связан с одним из основополагающих принципов научного мышления, на который, можно сказать, полностью опирается современное естествознание; речь идет о принципе *сохранения энергии*.

О чем говорит этот принцип? Коль скоро в физической действительности речь может идти о причинной зависимости только между физическими явлениями и физические результаты вызваны исключительно физическими причинами, не следует ли полагать, что все эти явления, по сути, есть не что иное, как изменение форм одинаковых по своей сущности процессов? Положительный ответ на данный вопрос создал бы весьма благоприятные обстоятельства для естествознания, позволив подчинить неиссякаемое многообразие физической действительности одному и тому же понятию, обосновав тем самым необходимость подхода с единой точки зрения.

Результаты эмпирических научных исследований фактически подтверждают подобный взгляд. Выяснилось, что каким бы ни было физическое явление и какими бы ни были вызвавшие его причины, одно свойство всегда остается неизменным, в частности то, что можно назвать способностью механической работы, или перемещения массы в пространстве. В науке данная способность именуется «энергией» и считается знаменательным свойством любого физического явления.

Однако еще более интересен второй факт, а именно: уничтожение того или иного физического явления отнюдь не означает, что вместе с ним уничтожается и его энергия. Напротив, она продолжает существовать в вызванном этим процессом следствии. Когда некое явление порождает другое явление, то очевидно, что ему для этого приходится расходовать свою энергию — если не полностью, то хотя бы частично. Примечательно, что эта израсходованная часть энергии переходит в вызванный результат в совершенно неизменном виде. Создается впечатление, что в физической действительности существует изначально определенный запас энергии, количество которого и не растет, и

²⁷ Ebbinghaus H. Grundzüge der Psychologie, 4. A., 1919.

²⁸ Paulsen F. Einleitung in die Philosophie. 1892.

не уменьшается; изменение означает лишь перераспределение энергии между различными явлениями. В естествознании это обстоятельство называется принципом константности и сохранения энергии, и вся современная физика в широком смысле этого слова построена именно на этом принципе. Разумеется, наука может отказаться от него лишь в том случае, если в противовес ему будут выявлены какие-либо фактические обстоятельства. Только лишь теоретические соображения совершенно бессильны пусть даже в некоторой степени поколебать это подтвержденное эмпирически убеждение. Напротив, все теории, содержащие какой-либо противоречащий данному принципу элемент, уже по этой причине доказывают свое бессилие.

4. Каково соотношение между теорией взаимовоздействия и принципом сохранения энергии? Допустим, психическая причина (желание) вызвала некий физический эффект (движение руки). В физической действительности тем самым возникает новое обстоятельство, новое явление, на которое никакой энергии затрачено не было: ведь причина не была физической! Однако само это новое явление, как физическое, безусловно должно обладать способностью производить определенное действие, то есть обладать определенной энергией. Следовательно, вместе с его возникновением запас физической энергии пополнился новой энергией, что, разумеется, нарушает принцип сохранения энергии.

Допустим теперь, наоборот, что физический процесс вызвал определенный результат в психической действительности. Несомненно, что запас физической энергии уменьшился в размере необходимой для этого энергии и развеялся где-то вне физической сферы. Как видим, принцип сохранения энергии нарушается и в данном случае. Но происходит ли это так фактически?

Быть может, среди живых организмов действуют совсем иные закономерности, а принцип сохранения энергии распространяется на них лишь по аналогии? Для решения данного вопроса нужен фактический материал, который у современной науки имеется. Опубликованное в 1894 году исследование Рубнера касалось именно этого вопроса. Согласно принципу сохранения энергии, тепловая энергия живого организма должна равняться количеству энергии усвоенной пищи. Рубнер проводил свои опыты на животных; путем тщательного измерения выделяемого организмом тепла и энергии принятой пищи он доказал, что между ними существует почти полное соответствие (различие составило лишь 0,5%, что, исходя из условий опыта, следовало считать неизбежной погрешностью). Следовательно, можно считать доказанным, что принцип сохранения энергии подтверждается и в случае организма животных.

Однако поскольку душевная жизнь животных, согласно взглядам некоторых исследователей, весьма незначительна, а другие и вовсе считают ее спорной, для окончательного решения вопроса оказалось необходимым провести аналогичные опыты и на людях. Данная задача была решена Атватером (1904). Предметом его наблюдения стали пять академически образованных лиц, так что не приходилось сомневаться в наличии у них душевной жизни. Условия опытов были соблюдены самым тщательным образом, и наблюдение в течение

нескольких дней окончательно подтвердило, что результаты Рубнера остаются в силе и применительно к организму человека: здесь также выявилось полное соответствие между полученной и переданной энергией (обусловленная условиями эксперимента неизбежная погрешность составила 0,005%).

Таким образом, выясняется, что теория взаимовоздействия в том ее виде, в каком она представляется наивному мышлению, противоречит не только принципу замкнутой каузальности, но и принципу сохранения энергии. Этого, конечно, вполне достаточно для того, чтобы поколебать нашу наивную теорию и превратить в проблему вопрос о природе зависимости между психическим и физическим. Существует два выхода: либо переработать нашу наивную теорию, подчинив ее основным принципам научного мышления, либо уступить место какой-либо другой теории.

В соответствии с этим в науке известны два главенствующих подхода: один — *теория каузальности*, то есть *взаимовоздействия* психического и физического, представляющая собой научно переработанные «естественные» взгляды, и второй — так называемая *теория психофизического параллелизма*.

5. Теория психофизического параллелизма опирается на оба вышеупомянутых принципа научного мышления: по большому счету можно сказать, что данная теория основывается не столько на фактическом материале, сколько на убеждении в неприкосновенности принципов замкнутой каузальности и сохранения энергии.

Коль скоро физические явления вызваны только физическими причинами, а, с другой стороны, запас физической энергии остается количественно неизменным, очевидно, что причины любого психического явления следует искать только в психическом, а физического — в физическом: эти два круга действительности никогда и нигде не пересекаются. Получается, что на протекании всей физической действительности нигде и никогда не сказывается воздействие психического: существует ли психическое — это для физической действительности не имеет никакого значения, ведь она в любом случае остается такой, какая она есть. Аналогичное можно сказать и о психическом: она такая, какая она есть, не потому, что существуют физические раздражители, а потому, что таковы ее закономерности.

По словам Эббингауза, считающегося преданным защитником психофизического параллелизма, положение следует представить следующим образом: вещественная действительность «представляет собой непрерывный ряд материальных изменений... С первого колебания, вызванного внешними раздражителями, до иннервации, предшествующей действию мышц, проникающие в мозг нервные возбуждения создают тысячи переплетений, распространяясь тысячами путей: здесь они тормозят друг друга, там, наоборот, способствуют друг другу, активизируя встречающийся им на пути запас энергии — разумеется, в большей или меньшей степени, в зависимости от собственной интенсивности, преобразуются частично в тепловые, а частично в электрические процессы и, наконец, после многочисленных трансформаций

в теле вновь выходят наружу в виде движений ног, рук, речи и движения других органов. Этот ряд никогда не прекращается, *всегда оставаясь замкнутым протеканием чисто вещественных процессов*, начальный член которых вызывает последний по принципиально таким же физико-химическим законам, как это происходит в машине или автомате»²⁹. Одним словом, многообразные процессы, разворачивающиеся не только извне, но и в нашем физическом организме, следует рассматривать исключительно с физико-химической точки зрения. Зато по вторую сторону существует действительность — так называемая психическая жизнь, также представляющая собой независимый ряд последовательности явлений, применительно ни к одному из членов которой нельзя сказать, что она меняется под воздействием ряда физических явлений.

Таким образом, психическое и физическое представляют собой две совершенно независимые, обособленные реальности, а поскольку они изменяются, никогда и нигде не пересекаясь, можно сказать, что их протекание имеет *параллельный* характер. Именно поэтому данный взгляд известен как теория психофизического параллелизма.

Но неужели теория параллелизма отрицает безусловный факт связи между психическим и физическим? Разумеется, нет. Она считает совершенно бесспорным тот факт, что психическое переживание непременно связано с *определенным* физиологическим процессом: одно с одним, а другое — с другим. Согласно этой теории, *определенному* звену цепочки физических (или физиологических) явлений соответствует только *определенное* психическое явление. Однако это отнюдь не означает, что в основе этого непременно лежит причинная взаимозависимость. Нет, здесь мы имеем дело лишь с фактом прямого взаимного соответствия определенных точек двух параллельных прямых или с чем-то подобным.

Но как представляет теория параллелизма это соответствие: соответствует ли каждому члену физического ряда соответствующий член психического ряда и, наоборот, психическому — физический? Для теории параллелизма положительный ответ на данный вопрос не является логически необходимым. Те, кто обосновывает параллелизм метафизически (Спиноза, Фехнер, Эббингауз), полагая, что в основе соответствия между обоими рядами лежит единая реальная сущность, необходимым проявлением которой и является каждый из этих рядов, должны решить наш вопрос положительно: каждому звену ряда физических явлений непременно соответствуют один и только один член ряда психических явлений, и наоборот. Однако для тех, кто пытается обосновать параллелизм только эмпирически (например, Вундт), более естественен иной ответ: вовсе не обязательно, чтобы каждому члену ряда физических явлений соответствовал свой член ряда психических явлений и, наоборот, каждому психическому процессу — некий физиологический про-

²⁹ Ebbinghaus H. Grundzüge der Psychologie, 4. A., 1919. S. 47.

цесс: принципам замкнутой каузальности и сохранения энергии не противоречит и такой параллелизм.

Подобное направление параллелизма имеет одно бесспорное преимущество — для него, в отличие от первого направления, вопрос существования бессознательных психических явлений остается открытым: коль скоро каждому физиологическому процессу должен сопутствовать соответствующий психический процесс, то очевидно, что следует признать существование этого последнего и там, где непосредственное сознание его не подтверждает; стало быть, необходимо изначально признать бессознательное психическое фактом. С другой стороны, если каждый психический феномен подразумевает свой соответствующий физиологический эквивалент, то его нужно искать и там, где эмпирическими фактами он никогда не подтверждается. Таким образом, первое направление теории психофизического параллелизма, возникшее благодаря убеждению в непоколебимости основных принципов эмпирического научного мышления, в конце концов само оказывается в коллизии с другими, не менее значимыми принципами эмпирического мышления. Подразумеваем принцип, согласно которому в науке должен главенствовать язык фактов, а не дедуктивно выведенные постулаты метафизического генезиса. Поскольку данное направление теории психофизического параллелизма не считается с этим принципом, оно невольно возвращается на ступень научного мышления предшествующей Бэкону эпохи.

Следовательно, согласно теории параллелизма, факт соответствия между психическим и физическим не должен вводить нас в заблуждение: при учете явлений как первого, так и второго рядов не следует выходить за их пределы. Однако к чему обязывает данное положение теорию параллелизма?

Говоря об учете физических (физиологических) явлений, понятно, что следует обратиться к их *причинной* связи: категория причинности последователь в процессе протекания физических явлений, но как объяснить последовательность ряда психических явлений? Коль скоро в данном случае следует обращаться исключительно к явлениям этого ряда, не следует ли полагать, что возможность объяснения каждого этого явления дана здесь же? Но это означает, что вопрос причинной взаимозависимости психических явлений решен изначально. Для тех, кто считает психическое настоящей реальностью (например, Эббингауз), решить этот вопрос иначе невозможно. Следовательно, в этом случае параллелизма причинная связь существует не только между физическими, но и психическими явлениями.

Однако для теории параллелизма неприемлемым не является и иной взгляд: можно полагать, что поиск каузальности в ряде психических явлений безнадежное дело. Тогда остается единственно возможный путь: признать ряд психических явлений *тенью* физического ряда, то есть *эпифеноменами*, и, стало быть, встать на точку зрения полного отрицания их реальности. Рибо, например, разделяющий данный взгляд теории параллелизма, отводит психическому лишь роль «приложения» (*surajouté*). Все формы теории параллелизма про-

низывает одна основная мысль. Коль скоро психическое и физическое представляют собой отдельные независимые ряды явлений, между которыми существует параллельное соотношение, то очевидно, что невозможно, чтобы одному и тому же явлению из психического или физического ряда соответствовало один раз одно, а в другой раз — другое явление второго ряда. Напротив, бесспорно, что различным членам одного ряда всегда должны соответствовать различные члены второго ряда.

Таковы положительные основополагающие взгляды теории параллелизма. Разумеется, мысль о параллельной согласованности психофизических явлений заведомо носит отпечаток некой таинственности: и действительно, каким образом протекание психического и физиологического дает эффект причинно-следственной зависимости, на самом деле совершенно не являясь таковым? Не следует ли подразумевать некую таинственную силу, которая либо ежеминутно вмешивается в протекание миропорядка, согласовывая физическое и психическое по образу причинно-следственной связи, либо же изначально предопределяет миропорядок так, чтобы эта согласованность проявлялась всегда и во всем?

Психофизический параллелизм вынужден искать сколь-нибудь удовлетворительный ответ на данный вопрос. Как уже вскользь отмечалось и выше, ныне наиболее широко распространен взгляд, согласно которому психическое и физическое представляют собой по сути одну и ту же реальность; то, что с одной точки зрения представляется нам психическим, с другой точки зрения проявляется в качестве физического. Соответственно, параллельная (а не каузальная) согласованность не содержит ничего таинственного. Фехнер для обоснования этой мысли обращается к аналогии выгнутого зеркала: неважно, с какой стороны смотришь на это зеркало — с вогнутой или выгнутой; каждая точка вогнутой области соответствует одной и только одной точке выгнутой области; дело тут в точке зрения, а не в различии самих точек.

Таким образом, теория параллелизма по причине невозможности эмпирического обоснования своих взглядов использует для этого метафизическую гипотезу *тождественности* (Identitätshypothese).

6. Бесспорным преимуществом теории параллелизма является то обстоятельство, что она согласована с принципами замкнутой каузальности и сохранения энергии. Зато теория взаимодействия психического и физического настолько тесно увязана с фактами нашего непосредственного наблюдения, что она, невзирая на коллизии с этими основными принципами, отмечена стойкой внутренней убежденностью.

Разумеется, если бы теория параллелизма не сталкивалась со значительными трудностями, ее следовало бы считать наилучшим образцом решения нашей проблемы, однако, по мнению сторонников теории взаимодействия, она настолько четко противоречит бесспорным фактам наблюдения человека, что принять ее совершенно невозможно.

И действительно, какой предстает перед нами реальность в соответствии с основными взглядами данной теории? Джеймс в ответ на данный вопрос

предлагает следующую картину: «Согласно теории автоматизма, если бы мы знали в совершенстве нервную систему Шекспира и абсолютно все условия окружающей среды, то мы могли бы показать, почему в известный период его жизни рука его исчертила какими-то неразборчивыми мелкими черными знаками известное число листков, которую мы для краткости называем рукописью «Гамлета». Мы могли бы объяснить причину каждой помарки и переделки: мы все бы это поняли, не предполагая при всем том в голове Шекспира решительно никакого сознания. Подобным же образом теория автоматизма утверждает, что можно написать подробнейшую биографию тех 200 фунтов тепловатой массы организованного вещества, которое называлось Мартин Лютер, не предполагая, что она когда-либо что-либо ощущала»³⁰.

Гайзер добавляет к этому следующее соображение: согласно теории психофизического параллелизма, «в вещественной действительности все могло произойти так, как происходит фактически сейчас, и в условиях полного отсутствия душевной действительности... Но тогда где были бы наши словесно и письменно высказанные мысли, ведь и они относятся к вещественной действительности! С другой стороны, нам пришлось бы принять, что мир полон человеческими телами, что эти тела говорят, пишут, действуют именно так, как они это делают фактически сейчас. Библиотеки были бы переполнены произведениями Канта, Шиллера, Гете, в концертных залах звучала музыка Бетховена и пр. ...И все это было бы так, если бы психика человека вообще не существовала, та психика, которая выражает свои мысли и представления в виде этих вещественных явлений. Этот вывод теории параллелизма безусловно абсурден и смешон. Наш внутренний опыт свидетельствует не только о том, что существует психика, создающая из физической массы упомянутые выше произведения... но и о том, что эти книги, картины и пр. существуют именно для целей этой психики... книги ведь пишутся для того, чтобы их читали и понимали»³¹.

Теория параллелизма не в состоянии учитывать даже такие очевидные факты, как факт культурного творчества человека. Разве можно полагать, что вся наша культура зародилась и развивалась вне воздействия душевной жизни?

Одним словом, психофизический параллелизм настолько резко и неприемлемо противостоит достояниям человеческого опыта и проверенным буквально ежеминутно основным взглядам, что трудно быть твердо убежденным в его истинности.

Зато в основе теории взаимодействия лежит именно такая убежденность. По мнению сторонников этой теории, именно поэтому следует окончательно и без всяких сомнений отказаться от теории параллелизма, как только будет доказано, что мысль о взаимодействии психического и физического не так уж противоречит основным принципам научного мышления, как это полагают последователи параллелизма.

³⁰ Джеймс В. Психология. 1911. С. 203.

³¹ Geyser I. Lernbuch der Allgemeinen Psychologie, B. I. 1920.

7. Рассмотрим вначале принцип замкнутой каузальности: по сути это скорее не открытое эмпирическим путем положение, а обычный умозрительный вывод о невозможности причинного взаимодействия различных реальностей. Данное положение зародилось и утвердилось в науке на почве метафизическо-гносеологического мировоззрения Декарта. Как отмечают сторонники теории взаимодействия, сегодня уже считается фактом, что возможность каузального взаимодействия подтверждается и среди сильно различающихся явлений: «Кислота действует на металл, неорганическое тело — на органическое, имеющее вес вещество — на эфир, чувства — на представления»³². Но коль скоро это так, то на каких основаниях мы можем считать, что мысль о взаимодействии психического и физического не приемлема уже потому, что они являются различными реальностями?

С другой стороны, допустим, что каузальные отношения между различными реальностями действительно невозможны. Это еще не означает невозможность существования подобных отношений между психическим и физическим: ведь еще окончательно не доказано, что психическое и физическое представляют собой различные реальности. Разве не может быть положено в основу концепции действительности *спиритуалистическое* мировоззрение? В этом случае душевное и вещественное следует признать реальностями одинаковой по своей сути природы, и тогда уже ничего не препятствует возможности их взаимодействия.

Более того: можно ли полагать, что в современной науке единственно бесспорной точкой зрения должна считаться *механистическая*? Дело в том, что со временем набирается все больше аргументов в пользу так называемого *виталистического* мировоззрения, согласно которому в природе, особенно — в биологической действительности, помимо атомов, электронов и эфира физиков должны существовать и иные реальности. Коль скоро физика для объяснения физической реальности имела полное право признать существование новой, еще совершенно незнакомой разновидности действительности — так называемый эфир, — почему в таком же праве должно быть отказано биологии, которой для изучения своего предмета нужно гипотетически допустить существование нового вида реальности? Эта новая реальность подтверждает в природе существование новых факторов не физико-химического характера. Следовательно, признание принципа замкнутой каузальности — хотя бы с позиций неовитализма — отнюдь не означает, что воздействие психического фактора на физический следует считать вторжением чуждого фактора в замкнутую сферу природы: ведь для нее душевный фактор — один из факторов природы (Бехер).

Таким образом, четко выясняется, что для теории взаимодействия принцип замкнутой каузальности совершенно не является непреодолимым аргументом.

³² Becher E. Gehirn und Seele. 1911. S. 365.

8. Аналогичное можно сказать и об аргументе сохранения энергии. От теории взаимодействия отнюдь не требуется вносить какие-либо сомнения в правомерность принципа сохранения энергии. Напротив, она считает его безусловным научным достижением, но не согласна с тем, что данный принцип резко противоречит каузальной связи между психическим и физическим.

Представители данной теории уверены, что существует несколько путей снятия коллизии с принципом сохранения энергии.

А. Выдвижение принципа сохранения энергии в качестве аргумента против теории психофизической каузальности может иметь смысл лишь в том случае, если изначально подразумевать, что говорить об энергии можно только применительно к физической действительности.

Что такое энергия? По определению физиков, она представляет собой способность механической работы. Однако, по убеждению сторонников теории психофизической каузальности, психическое способно вызывать и физический результат, то есть определенный механический эффект. Следовательно, очевидно, что можно говорить, что наряду с различными формами физической энергии существует и особая *психическая энергия*: ведь в самом понятии энергии нет ничего такого, что мешает принять гипотезу о существовании принципиально психической энергии. Этим объясняется то обстоятельство, что против данной гипотезы не могут возразить не только сторонники теории взаимодействия, но и даже некоторые представители самого параллелизма. Более того, признание гипотезы психической энергии особенно привлекательно для естествознания. Дело в том, что в этом случае действительность можно полностью увязать с одним понятием — понятием энергии, и все, включая даже столь гетерогенные явления, каковыми считаются психическое и физическое, считать трансформацией одной и той же энергии. Это, в свою очередь, позволило бы рассматривать всю действительность с единой точки зрения, что очень важно для естествознания.

Но коль скоро против гипотезы психической энергии действительно невозможно выдвинуть принципиальные возражения, тогда очевидно, что уже не приходится говорить о коллизии между теорией взаимодействия и принципом сохранения энергии: в случае каузальной зависимости не отмечалась бы ни потеря, ни увеличение энергии. Можно было бы говорить лишь о факте трансформации психической энергии в физическую, или, наоборот, физической энергии — в психическую.

Разумеется, данной гипотезе придется преодолеть множество значительных трудностей, среди которых особо следует отметить одну. Подтвердить сохранность энергии можно лишь через измерение; однако насколько возможно измерить психическое? Или хотя бы так: что можно считать единым мериллом для гетерогенных рядов явлений? Современная психология о подобном измерении ничего не знает, что, конечно же, отнюдь не свидетельствует в пользу гипотезы психической энергии. Вопреки этому, как справедливо отмечает Бехер, «принципиально данная гипотеза все равно не невозможна». Но даже будь она невозможна, это все равно не доказывает безосновательность психофизической

каузальности. Дело в том, что принцип сохранения энергии можно обойти и иным путем.

Б. Бехер утверждает, что «взаимовоздействие возможно и вне влияния на сохранение физико-химической энергии». Это означает, что, как полагают Больцман, Мах и др., на физико-химический процесс можно оказать влияние и без изменения энергии. По мнению Бехера, существует множество таких возможностей: «Любая сила, всегда действующая перпендикулярно, изменяя тем самым движение тела, к которому она приложена, представляет собой прекрасную иллюстрацию того, что направление вещественного процесса возможно и без изменения запаса его энергии»³³. Но коль скоро это так, почему невозможно, чтобы психический процесс действовал на движение вещественных частиц головного мозга именно в перпендикулярном направлении, не затрагивая, таким образом, количество физической энергии?! Принципиально невозможно возразить и против этого.

В. Некоторые теоретики психофизической каузальности отмечают и другой путь приспособления к требованиям принципа сохранения энергии. В данном случае они указывают на то обстоятельство, что принцип сохранения энергии совершенно не подразумевает момент времени: на количество энергии не влияет скорость — более быстрая или более медленная — перехода энергии из одной формы в другую; по завершении процесса оно остается неизменным. Но для ускорения или замедления протекания процесса необходимо воздействие второго вещества. В химии такие процессы именуются «каталитическими». Каталитическими называются процессы, скорость которых изменяется вследствие добавления других веществ, но сами эти вещества не изменяются, оставаясь и после реакции такими же, какими были до нее (Оствальд)³⁴. По мнению Н. Ланге, вполне возможно, что психические явления оказывают именно такое каталитическое влияние на химические процессы в центральной нервной системе. Подобное каталитическое влияние психики на физиологические процессы, в частности, на скорость химических реакций, совершенно не противоречит принципу сохранения энергии, — заключает он³⁵.

9. Такова постановка нашей проблемы в современной психологической литературе. Как видим, окончательно она еще не разрешена. Напротив, со временем каждый из противостоящих взглядов находит в свою пользу все большее число новых аргументов. Думается, что до тех пор, пока вопрос будет стоять в альтернативной форме, спор никогда не завершится: параллелизм необходим физикам и всем тем, кто ставит физику и психологию в один ряд научного познания. Мир физических явлений замкнут в пределах собственных закономерностей: причинная цепочка вещественных феноменов нигде и никогда не прерывается.

³³ Becher E. Gehirn und Seele. 1911. S. 391.

³⁴ Ostwald W. Vorlesungen über Naturphilosophie. 1902.

³⁵ Ланге Н.Н. Психология. 1922.

С другой стороны, можно сказать, что для мировоззрения наук о культуре каузальная взаимозависимость между психическим и физическим представляет собой основополагающий постулат, без которого невозможно представить само существование этих наук.

Таким образом, необходимы обе эти теории: одна — для физического мышления, а вторая — для культурно-исторического мышления и науки о душе.

Однако вопрос о взаимозависимости между психическим и физическим — один вопрос, а дать на один вопрос два противоположных ответа невозможно. Очевидно, что правомерно разрешить нашу проблему на альтернативной почве никак нельзя.

10. Обратимся к простому примеру: представим некую искусственно построенную машину. Заведомо подразумевается, что ее работа полностью подчинена закономерностям физической действительности: цепочка физической причинности нигде и никогда не прерывается, а в работу машины как-то вмешивается психический фактор. С точки зрения физика машина пребывает в замкнутом круге физической каузальности. Но тот факт, что эта машина является продуктом творческого разума человека, не противоречит ни принципу замкнутой каузальности, ни закону сохранения энергии.

Зато эту же машину историк культуры рассматривает с точки зрения развития творческого разума человека. Разумеется, данное обстоятельство никак не влияет на поиски физика: машина продолжает работать в соответствии с физическими закономерностями.

Примерно так же следует рассуждать и в случае вопроса взаимозависимости между физиологическими и психическими явлениями.

Известно, что физиологические процессы изменяются в определенном направлении в зависимости от состояния организма: например, в состоянии усталости они протекают иначе, чем в отдохнувшем, во сне — иначе, чем в бодрствующем состоянии, однако природа и закономерности этих процессов остаются, разумеется, неизменными — меняются лишь комбинации и разновидности.

Заведомо подразумевается, что созданный в биосферной области настрой подготавливает почву для того или иного настроения организма. То, какие комбинации физиологических процессов разворачиваются в организме в тот или иной момент, должно зависеть именно от этой почвы. Следовательно, в основе изменения самих физиологических процессов лежит биосферный настрой. Однако основа протекания этих процессов, направляющая их закономерность, однако основа протекания этих процессов, направляющая их закономерность, имеет чисто физиологическую природу, и физиологу ни разу и нигде не придется констатировать, что в цепочке физиологических процессов появляется звено психического генезиса. Согласно этому взгляду, у него никогда не возникнет повода хотя бы однажды отказаться от чисто физиологической точки зрения.

Но коль скоро своеобразное влияние на физиологическое исходит из биосферной области, тогда очевидно, что здесь не обходится без участия пси-

хического, хотя бы в не прямой форме: мы знаем, что оно является одним из моментов биосферных установок.

С другой стороны, аналогичным образом биосфера опосредует процессы, которые преобразуют физиологические процессы в психические. Мы помним, что в процессе воздействия внешних раздражителей создается определенный биосферный настрой, который в нашем сознании переводится, так сказать, на язык психических феноменов. Таким образом, содержание сознания увязывается с состоянием физиологического организма.

Преимущество подобной точки зрения состоит в том, что не вынуждает физиолога учитывать психические факторы: для него все происходит так, как будто между психическим и физиологическим существует чисто параллельная зависимость. С другой стороны, и для психолога не оказывается необходимым непременно искать некое психическое переживание, соответствующее каждому физиологическому процессу.

Теория сновидений

1. Невзирая на то, что сознание сновидения построено из тех же компонентов, что и сознание бодрствования, оно <...> характеризуется некоторыми особенностями, специфически отличающими его от сознания бодрствования. Целью эмпирического исследования является по возможности подробное описание данных особенностей. Однако проблема сновидений этим не исчерпывается. Наоборот, после завершения эмпирического научного исследования и выявления этим путем специфических особенностей сновидения перед нами встает вопрос о том, почему сновидение является таким, какое оно есть. Откуда и почему ему присущи эти своеобразные признаки, столь отличающие его от сознания бодрствования? Иными словами, встает теоретическая проблема, после решения которой должно стать очевидным, что сновидение не может не иметь этих особенностей, поскольку они являются для сновидения специфическими, то есть вытекающими из его сущности.

Следовательно, в данном случае основной теоретической проблемой является проблема сущности сновидения.

Первой и главный вопрос в связи с проблемой сущности сновидения — вопрос его происхождения. Активность сознания формируется на почве отношений субъекта с внешней действительностью: вне этих отношений сознание просто не существовало. Во сне контакт с внешней действительностью прерван: субъект не замечает происходящее в сновидении, применительно к нему субъект совершенно инактивен. Тем не менее его сознание все-таки работает, возводя в виде сновидения мир переживаний довольно сложного содержания. Как это возможно?

Среди современных теорий сновидения безусловно наиболее интересна теория Фрейда и психоанализа в целом. Фрейд поставленный нами вопрос решает следующим образом: человек в любой заданный момент является носителем многих тенденций. Вся его жизнь и, в частности, психическая активность детерминирована этими тенденциями. Но от некоторых тенденций, желаний, устремлений сознательный человек «отворачивается», они вытесняются из его сознания, превращаясь в содержание бессознательного. Невзирая на это, они продолжают действовать, поскольку представляют собой один из видов энергии — психическую энергию, и стремятся к самореализации путем воздействия на протекание сознания и поведения человека. Подобного рода